Информационно–аналитический журнал

современный

Иран

№41
февраль 2015

Информационно-аналитический журнал

современный Иран

№ 41
февраль 2015 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77–41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции
119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР–ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2

Иран: противодействие западным санкциям в банковской сфере
Олег Рещиков.....6

Нужен ли Иран в ШОС и на других интеграционных площадках?
Игорь Николаев.....9

США и КСА попытались поссорить Россию с Ираном и Сирией
Владимир Алексеев.....13

Иранский газ и мифы о «конкуренции» с Россией
Игорь Панкратенко.....17

Иран: 36 лет независимости, 36 лет давления
Антон Семенов.....21

Реалии и перспективы российско-иранских отношений
Владимир Алексеев.....23

От Туркманчая и Гулестана до активной дипломатии с Россией
Ахмад Вахшите.....27

Внутриполитическая ситуация в Иране и ее воздействие на ирано-российские отношения
Владимир Алексеев.....30

ШОС пугает Запад Ираном
Ирина Джорбенадзе.....35

Победит ли «миротворец» Обама «неистового Биби» Нетаньяху?
Игорь Панкратенко.....38

Российская стратегия в отношении ключевых стран Ближнего Востока
Владимир Ефимов.....43

Иран против «Исламского государства»: За что воюет Тегеран?
Игорь Панкратенко.....48

США теряют свой исторический шанс?.....53

Диагноз ирано-турецких отношений — нарастающая конкуренция
Николай Александров.....58

Краткое содержание номера

На материалы февральского, 41-го номера журнала «Современный Иран» в большой степени повлияла главная праздничная дата Исламской республики — 36-я годовщина Революции, событие, открывшее новую эру в истории Ближнего и Среднего Востока. Поэтому в большинстве статей, так или иначе, явно или неявно, прослеживается желание показать, чего удалось добиться за эти году уникальному государству на внешнеполитической арене.

Журнал открывает статья **«Иран: противодействие западным санкциям в банковской сфере»**. *«С возобновлением Ираном ядерной программы в 2005 г. кольцо санкций против иранских банковских институтов стало сжиматься. Соединенные Штаты Америки регулярно обновляли экстерриториальные санкции в отношении Ирана и список иранских банков, с которыми запрещалось вести любую деятельность американским и зарубежным компаниям и банкам»*. — отмечает автор. — *«Сильный эффект имел „двойной удар“ Евросоюза в 2012 г.: эмбарго на поставки иранской нефти и отключение Ирана от международной межбанковской системы передачи информации SWIFT»*. Удалось ли Западу этими мерами добить Тегеран, склонить его к капитуляции? Нет, поскольку, по мнению автора, Запад, вводя санкции, не может обеспечить всеобъемлющий контроль за соблюдением установленного им санкционного режима. А опыт Тегерана по обходу барьеров в банковской сфере можно назвать достойной частью «экономики сопротивления», и этот опыт может оказаться полезным для других стран в их борьбе с эффектом западных санкций.

Российские политики и эксперты любят жаловаться на несправедливость мироустройства. Особенно — на однополярность, означающую по факту доминирование США везде и во всем. Понятно, что в ближайшее десятилетие (а то и более длительный срок) с экономическим, политическим и военным потенциалом Америки не сравняется ни одна страна. Но тогда, возможно, эффективным инструментом сдерживания глобального доминирования Вашингтона могут стать различные региональные объединения с участием Ирана? Попыткой ответить на этот вопрос является материал **«Нужен ли Иран в ШОС и на других интеграционных площадках?»** И главный вывод звучит следующим образом: *«Сегодня членство Ирана необходимо, в первую очередь, самой этой организации. Для Тегерана это шанс активного участия в наиболее реальной из существующих интеграционных площадок. Для ШОС — возможность реализовать действительно прорывные проекты. Позволяющие, к тому же, перевести российское недовольство «несправедливым мироустройством» в весьма практическую плоскость»*.

На внешнюю политику любого государства, участвующего в ближневосточных процессах, всегда огромное влияние оказывают интриги и маневры Саудовской Аравии. Об одном из таких эпизодов — в материале **«США и КСА попытались поссорить Россию с Ираном и Сирией»**. Подоплека интриги следующая — внести сомнения в ряды партнеров и вызвать трения между странами, против которых выступают США. Так произошло и на этот раз,

когда 3 февраля вроде бы весьма респектабельная и солидная американская газета The New York Times написала, что чиновники из Саудовской Аравии предлагали Москве отказаться от поддержи режима Асада, обещая взамен снизить добычу нефти, что может спровоцировать рост цен на нефть.

Не менее активно действуют противники российско-иранского сближения и в другой сфере — распространяя слухи о том, что Иран является главным конкурентом России на газовом рынке. Разбору этого тезиса посвящена статья **«Иранский газ и мифы о „конкуренции“ с Россией»**, в которой подчеркивается: *«„Российско-иранская конкуренция в газовой сфере“ — откровенная спекуляция „эффективных менеджеров“ и их многочисленной экспертной обслуги. Причем — с провокационным „душком“, появляющимся от усилий российского прозападного лобби измыслить любые аргументы для отказа от сотрудничества с Ираном. На ближайшие десять лет ни о какой конкуренции между Тегераном и Москвой в деликатной сфере разделов газовых рынков речи идти не может. А вот о партнерстве и совместных проектах говорить можно вполне»*.

Разговоры о том, что Россия и Иран приступили к более активному укреплению партнерства, в том числе в военно-политической области, вновь активно муссируются в российской, иранской и иностранной прессе. Периодически раздаются рассуждения аналитиков о том, что Россия и Иран связаны общими интересами в том, чтобы заставить Саудовскую Аравию отказаться от политики резкого снижения цен на нефть. Но в реалии дела идут далеко не так, что отвечало бы стратегическим интересам РФ и ИРИ. Подробности текущего состояния отношений между Тегераном и Москвой — в материале **«Реалии и перспективы российско-иранских отношений»**.

Пока в России продолжают думать над тем, как выстраивать отношения с Ираном и как далеко можно идти с этой ключевой страной Ближнего Востока, в самой Исламской республике происходят достаточно сложные внутриполитические процессы, от исхода которых будет зависеть, будет ли Тегеран вообще стремиться к тесному взаимодействию с Россией или же отдаст предпочтение Западу. *«Отсутствие какой-либо стратегии у России в отношении Ирана, впоследствии осязаемых результатов в течение многих лет в деле запуска эффективного партнерства РФ-ИРИ играет только на руку тем, кто всячески препятствует усилению российской роли в этом регионе»,* — констатируется в статье **«Внутриполитическая ситуация в Иране и ее воздействие на ирано-российские отношения»**. — *«Более того, вялая политика Москвы в отношении Ирана укрепляет внутри ИРИ позиции тех сил, которые ратуют за сближение с США и ЕС. То есть любые промедления на этом пути играют на руку только Западу, который хочет втянуть Иран в орбиту своего влияния»*.

Об этом же, о проблемах российской политики не только в Иране, но и на Ближнем Востоке в целом, говорится и в материале **«Российская стратегия в отношении ключевых стран Ближнего Востока»**. *«По мере осложнения военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, где продолжается расширение зоны контроля ИГИЛ, который недавно открыл „второй фронт“ в Ливии, увеличивается число сторонников экстремистских организаций, происходит дальнейшая эрозия многих арабских стран, обостряется суннито-шиитская конфронтация, встает вопрос о том, какую стратегию проводит Россия в отношении этого региона»*, — отмечает автор материала. — *«К сожа-*

лению, анализ последних шагов нашей дипломатии, как и политическая линия Москвы на протяжении последних 10 лет, показывает, что какая-либо стройная и последовательная концепция внешней политики РФ на Ближнем Востоке фактически отсутствует. Более того, многие действия не совсем понятны и могут противоречить одно другому».

Необходимо отметить, что нынешний хаос на Ближнем Востоке — во многом результат политики США и Евросоюза в отношении иранской ядерной программы. США вместе с ЕС сейчас одержимы только одной стратегией — до последнего тянуть и в конечном итоге не подписывать соглашение по иранской ядерной программе (ИЯП). Данная стратегия во многом навязана им Израилем и Саудовской Аравией, которые смертельно боятся перспектив и величия Ирана. *«И в Вашингтоне, и в Тель-Авиве, и в Эр-Рияде хотят одного — смены политического режима в Иране. Но вместо этого они получат более сильный и закаленный Иран. А главными проигравшими останутся Соединенные Штаты, которые получат мощную волну иранского антиамериканизма и потеряют свой исторический шанс восстановить отношения с Ираном»,* — отмечается в редакционном комментарии Iran.ru **«США теряют свой исторический шанс»**.

Впрочем, вопрос о том, «состоится ли подписание соглашения между Ираном и «шестеркой» международных посредников?», — по большому счету, утратил свою актуальность. Важнее сейчас ответ на другой вопрос: «Удастся ли американскому президенту преодолеть вето, которое наложил на любую „сделку“ с Тегераном премьер-министр Израиля?» Противостояние двух этих политиков по вопросу иранской ядерной программы сегодня достигло пика, и ясности, кто же в нем победит, так и нет. О некоторых аспектах драматических коллизий диалога Барака Обамы и Биньямина Нетаньяху — в статье **«Победит ли „миротворец“ Обама „неистового Биби“ Нетаньяху?»**.

И разумеется, рассказ о содержании очередного, 41-го номера журнала «Современный Иран» был бы неполным, если не упомянуть о статьях, в которых рассматривается традиционная тема — «Иран и его отношения в регионе».

«Исламское государство» никакой серьезной военной угрозы для Ирана не представляет. И вообще, если бы речь шла именно о военной составляющей этого феномена, в одночасье взорвавшего Ближний Восток и прилегающие к нему территории, то с ним давно уже было бы покончено. *«Тегеран мог бы поступить и еще проще — передоверить все „коалиции кающихся“ во главе с США, которые вот уже несколько месяцев победно рапортуют о своих успехах в борьбе с „Халифатом“»*, — отмечается в материале **«Иран против „Исламского государства“: За что воюет Тегеран?»** — *«Однако, Иран не только не сидит, сложа руки, в ожидании, когда война против „Исламского государства“ будет выиграна чужими руками, но и наращивает собственные усилия в борьбе против боевиков»*. Неся при этом и людские потери — только генералов Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) в боях против исламистов погибло трое, а ведь есть еще убитые офицеры и рядовые. И серьезные финансовые затраты — по различным оценкам операции против боевиков «халифата» на территории Сирии и Ирака обошлись бюджету страны с августа 2014 года в сумму от одного до полутора миллиардов долларов, включая сюда поставки военной техники и снаряжения.

«Эра Эрдогана» привела к радикальной переориентации внешней и внутренней политики Анкары. Как справедливо заметил один исследователь, для США «старой доброй Турции больше нет. Американскому госсекретарю или помощнику президента по национальной безопасности уже недостаточно, как бывало, слетать на денек в Анкару, встретиться с начальником турецкого Генштаба и решить все вопросы». Но справедливы ли утверждения о том, что дистанцируясь от Запада Турция становится ближе Ирану? Подробный разбор текущего состояния дел в диалоге между Тегераном и Анкарой — в статье **«Диагноз ирано-турецких отношений — нарастающая конкуренция»**.

«Внешнее окружение», обстановка на Ближнем и Среднем Востоке, все 36 лет существования Исламской Республики Иран никогда не были особо благоприятными для этой страны. Но материалы, предлагаемые нашим читателям в очередном, 41-м номере журнала «Современный Иран» — лишнее доказательство, что вопреки трудностям и откровенной враждебности, санкциям и необъявленной войне — иранский народ продолжает бороться, побеждать и с уверенностью смотреть в будущее. Пожалуй, это главная оценка успешности революции, очередную годовщину которой в феврале нынешнего, 2015 года отметила страна.

Олег Рещиков

Иран: противодействие западным санкциям в банковской сфере

Исламская Республика Иран уже много лет испытывает на себе серьезное многоплановое давление со стороны Запада. Стойкость и находчивость позволила иранским предприятиям и в целом Ирану умело преодолевать барьеры, возведенные американскими и европейскими санкциями.

С возобновлением Ираном ядерной программы в 2005 г. кольцо санкций против иранских банковских институтов стало сжиматься. Соединенные Штаты Америки регулярно обновляли экстерриториальные санкции в отношении Ирана и список иранских банков, с которыми запрещалось вести любую деятельность американским и зарубежным компаниям и банкам. Европейский союз вслед за США открыл свой санкционный список иранских банков и перечень ограничений на ведение финансовой деятельности с Ираном. Сильный эффект имел «двойной удар» Евросоюза в 2012 г.: эмбарго на поставки иранской нефти и отключение Ирана от международной межбанковской системы передачи информации SWIFT. В результате в 2014 г. подавляющее большинство иранских государственных и частных банков оказались отрезанными от европейских и американских банковских систем и имели минимальные возможности по покупке долларов США и евро для проведения внешнеторговых сделок.

В этих на первый взгляд катастрофических условиях Иран стал активно использовать альтернативные пути осуществления международных межбанковских платежей по международным контрактам. Акцент был сделан на расчеты с торговыми партнерами в национальных валютах и проведение бартерных сделок. Главными товарами, за которые Иран получал средства или товары, являлись углеводороды. Так, с Турцией, Индией и Китаем были достигнуты договоренности о расчетах в лирах, рупиях и юанях соответственно. Используя счета в национальных банках этих стран, Иран мог закупать товары местного производства.

Более того, Иран в ситуации банковской изоляции стал развивать торговлю с использованием золота в качестве платежного средства. К примеру, Турция осуществляла с Ираном сделки по схеме «газ в обмен на золото», в связи с чем на Анкару оказывалось серьезное политическое давление со стороны Евросоюза и США, которые в итоге ввели запрет на продажу золота и других драгоценных металлов в Иран.

Следует отметить, что в деле обхода западных санкций расчет в национальных валютах, бартер и золото — это не весь спектр эффективных инстру-

ментов. Для обеспечения своих потребностей в проведении международных транзакций иранские физические и юридические лица также использовали, по меньшей мере, услуги банков третьих стран, систему денежных переводов и наличный обмен валюты в третьих странах. Помимо этого, Тегеран обратился к правительствам ряда государств с идеей о создании совместных банков.

Различные источники отмечают, что иранские предприниматели осуществляли денежные переводы по системе «хавала». Особенностью системы является тот факт, что она лишена обширного бюрократического аппарата, в основном операции проводятся на суммы до 100 тыс. долл. США, и перевод доходит до адресата в течение 48 или даже 24 часов. В целом эти характеристики позволяют большинству брокеров системы не попадать в поле зрения американских регуляторов, которые следят за поддержанием санкционного режима против Ирана и ведут борьбу с отмыванием денег. В качестве преимущества системы «хавала» также отмечается низкая комиссия за проведенные операции: примерно 1—1,5%. К примеру, часть финансовых операций между Ираном и Пакистаном проводились через эту систему, а не с использованием правовых каналов Азиатского клирингового союза. При этом экспертами признается, что «хавала» может обеспечить перевод денег из Ирана в ту или иную страну Ближнего Востока, а затем транзакцию в различные банки Азии, Европы и США.

Помимо этого, иранские субъекты экономической деятельности пользовались услугами банков третьих стран. Единственная особенность такого рода операций для банков и компаний, находившихся под действием западных санкций, — высокая комиссия за проведение транзакций. В частности, в цепочках банковских операций фигурировали банки стран Ближнего Востока и Закавказья.

Интересен и сюжет взаимодействия Ирана с европейскими банками в период после 2008 г., когда Вашингтон ввел экстерриториальные санкции на осуществление всеми иранскими банками транзакций по схеме «U-turn» и с того момента классифицировал вовлеченность банков третьих стран в такие операции в интересах Ирана как отмывание денег. В общих чертах схема «U-turn» выглядела следующим образом: Иран поставлял нефть заказчику, сделка оплачивалась в валюте страны-покупателя, деньги поступали на счет в зарегистрированный не в Иране банк, далее средства переводились на счет в американский банк, в нем происходила конвертация в доллары США, после чего сумма уже в долларах поступала в другой зарубежной банк на счет, с которого деньги и уходили в Иран. В результате платеж за поставленную нефть Иран получал не в национальной валюте страны-покупателя, а в долларах США. В декабре 2012 г. были опубликованы сведения о том, что британский банк «Standard Chartered», используя операции «U-turn», смог провести более 60 тыс. транзакций в интересах иранских финансовых институтов, за что власти США обвинили банк в отмывании денег в интересах Ирана. В результате «Standard Chartered» в качестве штрафа положил в американскую казну 327 млн долл. Фигурантами расследований по делам о нарушении санкционного режима в отношении Ирана также стали «Royal Bank of Scotland», «UniCredit», «HSBC», «Deutsche Boerse», «Société Générale» и «Crédit Agricole». В целом, несмотря на введенные Вашингтоном санкции, многие именитые европейские банки продолжали сотрудничество с иранскими клиентами.

Еще одним способом получения валютных средств в долларовом эквиваленте стал для Тегерана простой наличный обмен иранского риала на доллар США в других странах. Например, в сентябре 2012 г. в Афганистане в городе Герат была зафиксирована повышенная активность по обмену иранского риала на доллар США. Сообщалось, что иранские менялы через своих афганских посредников обменивали необходимую сумму и оперативно перемещали средства на территорию Ирана. В качестве средства перемещения денег могли использоваться иранские такси, курсировавшие между ирано-афганской границей и Гератом.

Таким образом, опыт Тегерана по обходу барьеров в банковской сфере можно назвать достойной частью «экономики сопротивления», и этот опыт может оказаться полезным для других стран в их борьбе с эффектом западных санкций. Действия Ирана подтверждают, во-первых, что Запад, вводя санкции, не может обеспечить всеобъемлющий контроль за соблюдением установленного им санкционного режима и, во-вторых, что существует «противоядие» от санкций: при проведении контрсанкционных мероприятий государство и бизнес могут находить и эффективно использовать пути обхода санкций. По этой причине в условиях действия санкций для функционирования банковской системы в интересах развития внешней торговли возможно проведение комплексной политики по поддержанию и развитию экономических связей с ключевыми торговыми партнерами. Эта деятельность подразумевает использование обширного инструментария, который включает в себя переориентацию национальной банковской системы на другие регионы мира, ведение расчетов в национальных валютах, бартерные сделки, использование золота в качестве платежного средства и др.

Игорь Николаев

Нужен ли Иран в ШОС и на других интеграционных площадках?

Российские политики и эксперты любят жаловаться на несправедливость мироустройства. Особенно — на однополярность, означающую по факту доминирование США везде и во всем. Понятно, что в ближайшее десятилетие (а то и более длительный срок) с экономическим, политическим и военным потенциалом Америки не сравняется ни одна страна. Но тогда, возможно, эффективным инструментом сдерживания глобального доминирования Вашингтона могут стать различные региональные объединения с участием Ирана?

Российский читатель, интересующийся ситуацией с различными интеграционными площадками, будь то ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, БРИКС и так далее, откровенно устал от демагогии масс-медиа. Любое мероприятие в рамках этих организаций в последнее время неизменно сопровождается заверениями в том, что вот именно сейчас мы примем некие решения, которые напрочь перечеркнут планы Запада. Что вот именно сейчас будут достигнуты некие соглашения, после которых эти организации станут реальной политической и экономической альтернативой доминированию США и его союзников из числа крупнейших европейских экономик.

Но участники многочисленный саммитов, конференций и консультаций разъезжаются по домам, и воинственно-оптимистические заявления затухают. До новой «встречи в верхах». В немалой степени это происходит из-за странной двойственности, присущей российской внешней политике. На словах — дерзкий вызов однополярному мироустройству, жалобы на засилье доллара, претензии к Вашингтону и Евросоюзу по поводу их безответственной деятельности, не учитывающей не только интересы других стран — хотя, собственно, почему они должны их учитывать — но и элементарные последствия их вмешательства. На деле же, на уровне практических решений — робкое и боязливое отношение к любым инициативам, которые, вот ужас-то какой, могут вызвать недовольство столь на словах нелюбимого Запада.

Впрочем, эта двойственность странна лишь на первый взгляд. Говорить и писать можно все, что угодно. Но когда приходит время решений, из-за кулис появляется прозападное лобби, редактирующее основные внешнеполитические шаги и инициативы России в «нужном» для него направлении. Иран и его участие в региональных организациях — яркий пример подобной двойственности. Вопрос о его полноценном участии в ШОС — не просто назрел, он уже давно «перезрел». Тегеран стал заложником этой упомянутой выше

двойственности, в определенной степени — жертвой политических махинаций и подковерной борьбы некоторых других участников. Но одновременно заложником и жертвой становятся и идеи региональных интеграционных площадок, и их потенциал.

О чем не стоит говорить?

Оставим пока в покое участие Ирана в БРИКС и Евразийском экономическом союзе. Не будем затрагивать эту тему по двум веским причинам. БРИКС — организация, по большому счету, достаточно виртуальная. Да и появилась она исключительно благодаря «креативности» старшего аналитика «Голдман и Сакс» Джима О`Нила, который в 2001 году обозначил этим термином Бразилию, Россию, Индию и Китай как самые динамично развивающиеся и экономически перспективные для инвестиций страны. Которые, возможно, но не обязательно, к 2050 году по суммарному объему экономик превзойдут «Большую семерку».

Идея понравилась политикам и зажила собственной жизнью — в виде клуба, членов которого объединяет идея изменить современную систему международных, финансовых и экономических отношений. Мысль, что и говорить, хорошая, но в практической плоскости остается более набором пожеланий, чем платформой для возникновения какого-либо реального механизма. Сколько-нибудь серьезного влияния на мировые дела БРИКС не имеет, а в вопросах экономического переустройства все пока ограничилось созданием Пула валютных резервов и Банка развития стран БРИКС, которые должны начать работу уже в нынешнем 2015 году. Резервный фонд новых структур составит 100 миллиардов долларов, как поясняют — «для страховки на случай нестабильности на финансовых рынках».

На бумаге сумма выглядит внушительной, но для мировой экономики — смешной мизер, оказать сколько-нибудь реальное влияние даже на экономику стран-участников этого «клуба по интересам» она не в состоянии. Оптимизм лета прошлого года, когда о намерении присоединиться к БРИКС заявила Аргентина (Иран, замечу, заявлял о желании принять участие в работе клуба гораздо раньше) незаметно испарился. Когда у российской экономики начались проблемы, БРИКС остался в стороне, поскольку никакой реальной помощи оказывать не может. Ну, а о планах клуба и его «финансовых инструментов» кредитовать инфраструктурные проекты в Африке, под которые Россия могла бы поставить свое оборудование, сейчас и думать забыли, пережить бы падение цен на нефть. Единственное, на что рассчитывал Иран, наряду с Аргентиной стремящийся в эту организацию, — это получение финансирования на более выгодных условиях, чем те, что предлагают другие международные организации, те же МВФ или всемирный Банк. Но с учетом нынешних экономических реалий, подобные ожидания — пустая трата времени.

Несколько по-иному, но не менее сложно обстоят дела с возможностью Ирана взаимодействовать с ЕАЭС. Как и всякий новорожденный, этот Союз находится в поре «детских болячек», и даже его создателям пока не ясно, что из него в конце концов «вырастет». Между государствами-участниками ЕАЭС идут острые дискуссии буквально по всем вопросам, принятие согласованных решений даже по двусторонним отношениям между его членами — большая проблема. И было бы откровенной наивностью считать, что в настоящее вре-

мя возможно выработать сколько-нибудь согласованную позицию в отношении формата участия в работе этого Союза Ирана. Даже такой, казалось бы, очевидный вопрос, как запрет на межстрановые операции в долларах и евро и переход на расчеты только в национальных валютах (рубли, белорусские рубли, тенге, драм), запланирован лишь к 2025—2030 годам. А внедрение системы мультивалютных операций, либо ускоренный переход на платежное пространство единой валюты только начинает обсуждаться. И то — пока в России.

ШОС — это реально?

Одним из пунктов повестки дня прошедшей недавно в Москве встречи российского Президента со специальным представителем Исламской республики Иран Али Акбаром Велаяти было обсуждение вопроса о повышении статуса Тегерана в ШОС. Нужно сразу заметить, что появившиеся в ряде средств массовой информации сообщения о том, что в ходе встречи Владимира Путина и Али Акбара Велаяти по этому поводу было подписано некое соглашение, не соответствует действительности. Обошлись устными договоренностями. В частности, Россия взяла на себя обязательство на предстоящем саммите ШОС в Уфе, который должен состояться летом нынешнего года, поддержать иранскую заявку о полноправном членстве в этой организации. Где Иран сегодня, напомню, вот уже несколько лет пребывает в статусе наблюдателя.

Основное препятствие для получения Ираном полноправного членства, по сути, только одно — введенные против него санкции. И здесь есть одно «но»: если бы речь шла только об односторонних санкциях, введенных Западом, вопрос о членстве Тегерана в ШОС был бы решен еще два года назад. Ни для России, ни для Китая позиция Казахстана, являющегося последовательным противником участия Ирана в этой организации, не стала бы препятствием. Да и Астана, в общем-то, не стала бы упорствовать. Но проблема в том, что Иран сегодня находится под санкциями ООН.

Единственный путь решения данной проблемы — заключение Соглашения по ядерной программе с «шестеркой» международных посредников. После чего Москва и Пекин, как члены Совета Безопасности, могли бы добиться снятия санкций. Но пока это Соглашение «висит в воздухе». И большой вопрос — удастся ли его подписать до лета нынешнего года, как это, собственно, и запланировано. Пока ясно одно — пока санкции ООН в отношении Ирана не сняты, у противников членства Тегерана в ШОС есть «непробиваемый» аргумент, преодолеть который ни Москва, ни Пекин будут не в состоянии. Не потому, что у них не хватает влияния, а по той причине, что ШОС работает как «организация равных», где голос того же Бишкека по «весу» и «значимости» приравнивается к голосу региональных «тяжеловесов».

Но есть и другой вопрос: а нужен ли Иран этой организации? Ведь что бы ни говорили, но ШОС сегодня — это не региональный антизападный блок, а переговорная площадка с набором интересов стран-участников. Китай стремится к расширению рынков сбыта, обеспечению безопасности уже сделанных и планируемых инвестиций, созданию заслона для проникновения «исламских радикалов» в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Власти Киргизии и Таджикистана озабочены сохранением собственных режимов. Россия стремится к сохранению политического влияния в регионе, стараясь при этом избежать крупных инвестиций и не «отдавить ногу» западным партнерам-конку-

рентам. Политика Узбекистана и Казахстана в регионе как нельзя более точно соответствует определению «схватка бульдогов под ковром», и приз в этой схватке — региональное лидерство.

Ответ — да, нужен. Тегеран может предложить темы, которые не только будут выслушаны со вниманием, но и послужат началом качественно нового партнерства членов этой организации. Более того — станут толчком для проектов, реализация которых заложит основы новой архитектуры безопасности в регионе. Иран в ШОС — это «свежая струя» и, одновременно, генератор новых идей наряду с ускоренной реализацией более ранних проектов.

Назову только три важные темы (в реальности — их существенно больше), которые могут быть реализованы при полноценном участии Тегерана в работе Шанхайской организации сотрудничества.

Во-первых, региональный проект реконструкции Афганистана, и поддержка процессов национального примирения в этой стране, с чем так и не смогли справиться США и их союзники.

Во-вторых, поддержка Ираном идеи Банка развития ШОС и его участия в Межбанковском объединении Шанхайской организации, участия опосредованного, не являющегося прямым нарушением санкций ООН.

Это вполне может стать началом работы Исламской республики в конкретных региональных экономических проектах, от строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан до сотрудничества в российско-китайском проекте создании системы персональной подвижной спутниковой связи, тем более, что в этой отрасли Ирану есть что предложить, свидетельством чему — выведенный вчера на орбиту спутник «Фардж».

И, наконец, в-третьих, по списку, но не по значимости, участие Тегерана в качестве полноправного члена ШОС позволит сгладить возникшие в этой организации противоречия вокруг реализуемой Китаем грандиозной программы «нового экономического пространства Шелкового пути».

Место и роль Ирана в этой программе, его роль в достижении баланса интересов между Москвой и Пекином — тема отдельного и серьезного разговора. Сейчас же важно отметить, что иранское участие в ней сделает эту программу действительно «завтрашним днем» Востока и реальной альтернативой глобального доминирования США и Запада в целом. Только из-за одного этого России и Китаю стоит приложить усилия для скорейшей интеграции Ирана в ШОС.

* * *

Политические препятствия для полноценного участия Тегерана в работе Шанхайской организации сотрудничества становятся не такими уж непреодолимыми, как казалось это еще год назад. Но дело уже не в них. Сегодня членство Ирана необходимо, в первую очередь, самой этой организации. Для Тегерана это шанс активного участия в наиболее реальной из существующих интеграционных площадок. Для ШОС — возможность реализовать действительно прорывные проекты. Позволяющие, к тому же, перевести российское недовольство «несправедливым мироустройством» в весьма практическую плоскость.

Владимир Алексеев

США и КСА попытались поссорить Россию с Ираном и Сирией

Когда США не могут одолеть соперника мозгами или грубой силой, то в ход пускаются другие методы, прежде всего клевета и распространение ничем не подтвержденных слухов через подконтрольные Белому Дому американские и мировые СМИ. Одна из задач этой «методики» — внести сомнения в ряды партнеров и вызвать трения между странами, против которых выступают США. Так произошло и на этот раз, когда 3 февраля вроде бы весьма респектабельная и солидная американская газета The New York Times написала, что чиновники из Саудовской Аравии предлагали Москве отказаться от поддержи режима Асада, обещая взамен снизить добычу нефти, что может спровоцировать рост цен на нефть.

Цели Вашингтона

Цели американцев понятны — поссорить Москву с Дамаском и Тегераном, а заодно и с Венесуэлой. Подобная дезинформация в первую очередь может подорвать доверие к России со стороны Сирии и Ирана, а также скомпрометировать РФ в глазах всех тех, кто не приемлет политику американского диктата. Ведь могла бы получиться сенсация — за нефтедоллары русские предают друзей! И в Тегеране это могло бы вызвать вполне понятное недоумение, поскольку от американо-саудовского сговора по резкому снижению цен страдает не только российская, но и иранская экономика. Это же относится и к другому партнеру России — Венесуэле, где низкая цена на нефть настолько ослабила позиции президента Мадуры, что на днях он заговорил о подготовке Вашингтона к свержению законных властей Венесуэлы. Только вот одного не учли авторы провокации — уже давно никто не верит в то, что Москва может поддаться неким посулам из Эр-Рияда: уж больно много раз саудовцы обманывали российское руководство различными щедрыми обещаниями — от закупки оружия в огромном количестве до вложения десятков миллиардов долларов в экономику РФ. Когда-то это сработало: Москва не стала поставлять Ирану ЗРК С-300 после получения проектов военно-технических контрактов от КСА, которое затем, после голосования России в СБ ООН за введение дополнительных финансово-экономических санкций против ИРИ, подготовленных Западом, отказалось от сделок.

Это касается и Сирии. Накануне проведения Олимпиады в Сочи руководитель спецслужб Саудовской Аравии принц Бандар Султан (теперь уже бывший) дважды летал для встреч с президентом России Владимиром Путиным, пытаясь уговорить его отказаться от поддержки законного правительства в Дамаске в обмен на все те же призрачные миллиарды саудовских инвестиций и готовность оказать содействие в срыве возможных терактов в России в ходе проведения Олимпийских игр. Для усиления доказательной базы были проведены теракты в Волгограде в конце декабря 2013 года, видимо в целях доказать всесильность саудовской разведки. Но на этот раз, помня предыдущие обманы Эр-Рияда на самом высоком уровне, Москва на шантаж Бандара не поддалась, и он уехал из России не солоно хлебавши. А вскоре его вообще сняли: не справился принц Бандар по кличке «Бандар-Буш» с ответственным заданием Вашингтона и только провалил всю операцию. И тогда Обама, воспользовавшись конфликтом в связи с госпереворотом на Украине, решил ударить другим способом: раз конфетка не сработала, надо бить дубиной. Что и было сделано в виде введения санкций против РФ со стороны США, ЕС и американских сателлитов в лице Австралии, Японии, Канады и Новой Зеландии, а затем с использованием «нефтяного оружия» Саудовской Аравии, которая стала с октября 2014 года резко снижать цены на нефть и увеличивать объемы ее выброса на мировой рынок. Но и это не сработало: даже при цене ниже 50 долл. за баррель Москва и Тегеран устояли, а вот сланцево-нефтяные компании США и Канады стали лопаться, не выдержав столь низкой цены на нефть. А тут еще ИГИЛ приблизился к границам саудовского королевства, а его король скончался две недели назад. А еще в Москве на днях прошел межсирийский диалог по примирению правительства и оппозиции. Вот и пришлось придумывать что-то новенькое.

Технология провокаций

Технология американских провокаций стандартна и стара как мир. Все новое здесь — это несколько забытое старое. Именно поэтому столь солидное издание The New York Times сослалось в своей статье на неназванных чиновников в США и Саудовской Аравии. По мнению опять же неназванных официальных лиц Саудовской Аравии, «возможности уменьшить объем добычи нефти и поднять цены на нее» дают рычаги давления на Россию, отмечается в публикации. И тут же все медиа-пространство разнесло эту сенсацию: дескать, Саудовская Аравия пытается оказать давление на президента России Владимира Путина, предлагая ему отказаться от поддержки президента Сирии Башара Асада в обмен на сокращение добычи нефти. Более того, далее пошла уже откровенная дезинформация: якобы по словам все тех же «секретных» американских и саудовских чиновников, власти Саудовской Аравии последние несколько месяцев вели переговоры с российской стороной по этому вопросу, однако не достигли «значительного прогресса». Издание отмечает, что саудовские чиновники сообщили своим коллегам из США, что у них есть рычаги давления на Москву за счет возможности снизить поставки нефти на мировой рынок. Для правдоподобности издание уточняет, что Саудовская Аравия хочет использовать свое влияние на мировом рынке нефти в тот момент, когда Россия «еще не оправилась» от последствий резкого падения цены на ресурс. По мне-

нию Эр-Рияда, сокращение добычи нефти может привести к росту цен на нефть, что необходимо России. И чтобы уж все поверили окончательно, по данным газеты The New York Times, обсуждение сирийского вопроса стало главной темой визита саудовской делегации в Москву в ноябре 2014 года. По словам одного из собеседников издания, якобы встречи с российскими коллегами дипломаты из Саудовской Аравии проводили неофициально и вопрос о том, как повлияет на обсуждение смерть короля Абдаллы, остается открытым.

Саудовские щедрые посулы

В августе 2013 года уже появлялась информация, что Саудовская Аравия предлагала России отказаться от поддержки правительства сирийского президента в Совете Безопасности ООН. Тогда источники агентства Reuters сообщали о готовности Эр-Рияда покупать российское оружие на $15 млрд. Речь также шла о гарантиях, что в случае ухода Асада через Сирию не будут прокладываться газопроводы из Катара, поставки по которым газа в Южную Европу нанесли бы ущерб позициям России на европейском рынке. Но в декабре 2014 года российский лидер на вопрос российского политолога Раджаба Сафарова заявил, что одной из причин снижения мировых цен на нефть может быть политика некоторых стран, которые используют этот механизм в период кризисов. Владимир Путин не исключал, что цены на нефть стали снижаться в результате заговора США и Саудовской Аравии против России.

Понятно, что при этом любое изменение в отношениях Москвы и Дамаска может стать одним из первых признаков серьезного влияния, оказываемого на нефтяном рынке на внешнюю политику России. Хотя ранее саудовские министры и чиновники публично заявляли, что цены на нефть отражают исключительно состояние глобального спроса и предложения.

Только в Эр-Рияде и Вашингтоне давно пора понять: Россия не пойдет на отказ от поддержки правительства Сирии во главе с президентом Башаром Асадом, а Саудовская Аравия одна не в состоянии значительно влиять на нефтяные цены. Более того, если Россия, Иран и Венесуэла примут решение полностью прекратить экспорт нефти на неопределенный период, то объем ее мирового экспорта упадет сразу на 8–10%, а цена на «черное золото» за неделю взлетит до 200 долларов за баррель. Да и вообще, после смерти короля Абдаллы Эр-Рияду пора задуматься над тем, как сохранить власть династии Аль-Сауд и единство территории королевства. Ведь с юга давит Йемен, где хусисты почти полностью контролируют страну, с Севера нависает шиитский Ирак, оттуда же надвигается государство Исламского халифата, которое уже провело пробу сил собственно на саудовской территории, в преимущественно шиитской Восточной провинции КСА, где добывается почти вся нефть КСА, задули ветры перемен, рядом вот-вот полыхнет шиитское восстание на Бахрейне, а с другой стороны Персидского залива набирает силу 80-миллионный Иран, которого в Саудовской Аравии рассматривают как своего основного экономического конкурента и даже геополитического противника. Да и Обаме уже пора начать думать, чем он будет заниматься после истечения срока президентских полномочий.

И американцам, как и саудовцам надо трезво понять: позиция России в ближайшее время не изменится ни под какими предлогами. Она базируется не на экономических расчетах, а на принципах международной политики РФ и ее видения ситуации на Ближнем Востоке. Здесь главное не экономика, а большая политика.

* * *

В заключение можно лишь процитировать следящее заявление, прозвучавшее 4 февраля из Москвы: Саудовская Аравия не предлагала сократить объем добычи нефти в обмен на отказ России поддерживать Башара Ассада. Глава комитета Госдумы РФ по международным делам Алексей Пушков назвал «уткой» сообщение газеты The New York Times. «Никаких переговоров о подобном размене не было», — заявил он, отметив, что на недавних переговорах министра нефти Саудовской Аравии Али аль-Найми и министра энергетики РФ Александра Новака «никакого сирийского измерения» не было. По его словам, «обсуждались вопросы относительно нефти, ценообразования, координация деятельности стран-членов ОПЕК и не членов ОПЕК». А чуть позже пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил «Русской службе новостей», что статья американской газеты о том, что Саудовская Аравия якобы предлагает России отказаться от поддержки президента Сирии Башара Асада в обмен на повышение цен нефти, — это «не более чем газетные измышления». Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Игорь Панкратенко

Иранский газ и мифы о «конкуренции» с Россией

Под занавес уходящего 2014 года Исламской Республике Иран удалось поставить исторический рекорд — объемы добычи газа увеличились на 16 миллиардов кубометров. В результате два мировых гиганта — США и Россия — по темпам увеличения производства «голубого топлива» вынуждены были отступить на второе и третье место. Значит ли это, что между Москвой и Тегераном начался этап жесткой конкуренции за мировые газовые рынки? Именно этот вопрос в последнее время становится предметом информационных и политических спекуляций.

Ростом объемов добычи в 2014 году Иран не ограничился. Не успела Москва убрать новогодние елки, как стало известно, что в эксплуатацию введены 15-й и 16-й участки иранской части крупнейшего в мире газового месторождения Южный Парс в Персидском заливе. В переводе на язык сухих цифр это означает, что в общенациональные газопроводные сети страны ежедневно будет дополнительно поступать по 50 миллионов кубометров газа. Еще порядка 2,6 тысяч тонн этана будет использоваться для нужд нефтехимии, около 3,25 тысяч тонн сжиженного газа и 80 тысяч баррелей газового конденсата будут отправляться на экспорт.

А 22 января было заявлено, что с завершением прокладки трубопровода, соединяющего газоперерабатывающий завод 17-ой и 18-ой фаз с 7-м магистральным газопроводом, начались постоянные поставки в национальную газотранспортную сеть в объеме 8 миллионов кубометров в сутки. В перспективе — это ежесуточные 56,6 миллионов кубометров, еще 80 тысяч баррелей газового конденсата, 400 тонн серы в день, миллион тонн этана и миллион тонн сжиженного газа в год.

Что особенно раздражает недоброжелателей, этого успеха Иран добился своими силами. Командующий подразделения строительства и реконструкции военно-промышленного комплекса «Хатам аль-Анбия» бригадный генерал Эбадолла Абдоллахи, рапортуя о вводе объектов в строй, особо подчеркнул: «Проект был полностью осуществлен иранскими специалистами, включая проектирование, строительство и эксплуатацию, в то время как такие компании, как Statoil, Shell, Total и Hyundai покинули свои участки из-за экономических санкций, введенных США и ЕС в отношении Ирана».

В очередной раз Тегеран доказал, что способен к реализации масштабных проектов в самых неблагоприятных экономических условиях. В очередной раз

было показано, что «дружеские отношения с Западом» совершенно не являются залогом успехов промышленности. Вполне очевидно, что данное обстоятельство вызвало откровенное недоумение у ряда российских «эффективных менеджеров». А вслед недоумению вновь, становясь все громче и громче, поползли разговоры о том, что Иран, дескать, со дня на день выступит конкурентом России на международном рынке газа. Что столкновение на этой почве Москвы и Тегерана просто неминуемо, а, следовательно, совершенно не стоит развивать сотрудничество с потенциальным конкурентом. И уж тем более нецелесообразно оказывать ему политическую поддержку на переговорах по ядерной программе. Поскольку, произойди отмена санкций, иранский газ хлынет в Европу, которую Газпром рассматривает исключительно как свою «поляну».

«Газовые» аппетиты иранского внутреннего рынка

«Судить по себе» — основной принцип «эффективных менеджеров» и обслуживающих их экспертов. Если есть востребованный внешними рынками ресурс, его нужно срочно продать за вожделенную валюту. Такой вот уровень «экономического мышления». Такая вот главная причина отсутствия адекватного понимания Ирана во властных московских кабинетах. Пляшущие в глазах миллионы и миллиарды кубометров вперемешку с крупными купюрами доллара и евро мешают разглядеть то очевидное обстоятельство, что приоритетом для Тегерана является удовлетворение запросов, в первую очередь, собственного населения и отечественной промышленности, насыщение, в первую очередь, внутреннего рынка. А у него аппетиты такие, что он ежедневно несколько сот миллионов кубометров, не поморщившись, употребит и попросит добавки.

Кто сегодня активно потребляет львиную долю добываемого в Иране «голубого топлива»? По программе всеобщей газификации страны, в ближайшее время, по сути — до конца нынешнего года, газом должны быть обеспечены 95% городского населения в 630 городах и 18% сельского — в 4,2 тысячах населенных пунктов сельской «глубинки». Это при том, что на предыдущем этапе газификация охватила 1 000 городов и 17 тысяч населенных пунктов, 93% городского населения и 56% сельского. А до конца марта 2016 года доступ к «голубому топливу» должны будут иметь жители всех городов и, как минимум, 85% населения в сельской местности. Только этот сегмент внутреннего рынка — бытовое потребление — ежедневно потребляет примерно 220 миллионов кубометров газа, а в сезонные пиковые периоды — и все 250.

Второй не менее важный и столь же «прожорливый» потребитель — иранские электростанции. По принятой правительственной программе развития энергетики страны, сейчас происходит замещение на газ использовавшегося ранее мазута. За истекший год потребление мазута удалось сократить на 33%. Но в результате, только электростанции, работающие на этом виде топлива, увеличили потребление газа на 31,4%. В абсолютных цифрах это составляет почти 41 миллиард кубометров газа в год (примерно 113 миллионов кубов в день). А ведь на перспективу предстоит заместить еще более 7 миллиардов литров сжигаемого на ТЭС дизтоплива. Итог — электростанции «съедают» сегодня немногим более 143 миллионов кубов «голубого топлива» в сутки, почти на 38 миллионов кубов больше, чем в прошлом году.

Еще одной масштабной задачей, решаемой иранской экономикой и требующей газа, является программа расширения потребления сжатого природного газа (СПГ) в качестве автомобильного топлива. За хозяйственный год по иранскому календарю (март 2014 – март 2015) потребление 5,5 миллиардов кубометров СПГ позволило сэкономить примерно 5,5 миллиардов литров остродефицитного в Иране бензина. Если в настоящее время в Иране расходуется около 21 миллион кубов сжатого газа, то к концу нынешнего года эта цифра возрастет до 23 миллионов. И если сегодня на долю СПГ в топливной корзине страны приходится 23%, то к 2020 году этот показатель должен вырасти до 35%.

Еще около 90 миллионов кубов ежедневно потребляют промышленные предприятия (в прошлом году эта цифра составляла 85 миллионов кубов). И, наконец, значительную часть уже добытого газа иранцы вынуждены закачивать в пласты для поддержания высокой производительности при добыче нефти, которая, несмотря на успехи газодобычи, остается основным экспортным товаром страны.

Куда течет иранский «голубой поток»?

Большое количество приведенных выше цифр можно уложить в одну фразу. Внутренний рынок является основным потребителем добываемого в стране газа, и его аппетиты будут только нарастать. Это первое, но не единственное препятствие к «конкуренции» Тегерана с Москвой в газовой сфере, даже если на минуту поддаться распространяемой псевдоэкспертами панике и поверить, что такая конкуренция существует еще где-то, кроме как в их головах. Есть и еще одно препятствие, но о нем — чуть ниже. Сначала — о дне сегодняшнем. Сфера газовых интересов России — в Европе и в Китае. А куда идут основные потоки иранского «голубого топлива»?

Разумеется, главный приоритет отдается экспортным поставкам газа на рынки стран Персидского залива и Ближнего Востока. Что глубоко логично, поскольку для того, чтобы выходить на эти рынки достаточно трубопроводов протяженностью 200, максимум — 500–800 километров. Затраты на такое строительство даже для достаточно ограниченного в средствах иранского бюджета вполне реальны. Исходя из этих реалий, а не экспертных фантазий, Иран наращивает экспорт именно в этом направлении. Поскольку, хотя те же Ирак, Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ и располагают некоторыми собственными запасами, но в основном это — так называемый «попутный» газ. Даже Катару обычного газа не хватает, поскольку вся его добыча идет на производство СПГ.

Текущие поставки иранского газа в ОАЭ составляют 14 миллионов кубометров в сутки. В Кувейт — 8 миллионов кубометров. На очереди Катар и Оман, куда по предварительным договоренностям из Ирана пойдет около 15 миллиардов кубометров в год. При этом наращивается объем поставок в Ирак, правительство которого неоднократно обращалось к Тегерану с просьбой об увеличении объемов экспорта. В январе нынешнего года Иран приступил к строительству второго газопровода к Басре, пропускная способность которого составит к середине 2016 года 25 миллионов кубометров ежесуточно. А с учетом уже действующей первой «ветки» экспорт иранского газа в эту страну через два года составит 70 миллионов кубометров ежедневно.

Теперь от ближневосточного направления «голубого потока» из Тегерана стоит посмотреть в противоположную сторону. С Индией — все «зыбко и туманно», но в том, что иранский поток «голубого топлива» пробьет дорогу в Пакистан, преодолев все экономические и политические препоны, сомневаться не приходится. Из-за безвыходного положения, в котором оказался Исламабад. В 1999 году Пакистан потреблял 20,3 миллиарда кубометров газа в год. Через 10 лет, в 2009 году этот показатель возрос почти вдвое — до 38,7 миллиарда. В 2015 году ожидается повышение этого уровня до 92 миллиардов кубов. Тех запасов собственного газа, которыми располагает страна, уже не хватает. В 2014—15 дефицит предложения газа на пакистанском рынке уже составляет примерно 25,7 миллиарда кубометров, еще через год при сохранении нынешних темпов потребления достигнет 30,8 миллиарда кубометров, а в 2017 году приблизится к отметке 36 миллиардов кубометров в год, закрыть которые может только Иран.

Кстати, в этой связи стоит заметить, что коль скоро российский Газпром так озабочен конкуренцией со стороны Тегерана, то ему достаточно возобновить свое участие в проекте строительства газопровода «Иран-Пакистан», прерванное в 2010 году. Вполне логичный шаг — отвлечь, так сказать конкурента, переориентировать его на другое направление. Но геополитики Газпрома смелы только на словах, да и то исключительно перед внутренней аудиторией. Как убоялись американских санкций за участие в этом проекте в 2010 году, так от испуга до сих пор не могут отойти. Но это — к слову... О карте иранских газовых потоков можно было бы говорить еще много, приводя детали и цифры. Но итог что пяти, что пятнадцати страниц текста все равно будет один — Иран объективно не может быть конкурентом России в газовой сфере.

Более того. Согласно расчетам западных аналитических центров, занимающихся вопросами энергетики — они, конечно, ни нас, ни Иран не любят, но считают добросовестно — даже если бы санкции были сняты в ближайшее время и в Иран потекли инвестиции, он смог бы отправлять к началу 2020-х годов в Турцию и Европу только от 10 до 20 миллиардов кубометров в год. По самым, замечу, оптимистичным прогнозам. Для других объемов у него нет ни возможностей добычи, ни соответствующей дорогостоящей инфраструктуры, ни возможности в ближайшее время такую инфраструктуру создать. А теперь сравните эти цифры со 161,5 миллиардами кубометров, которые Газпром поставил в Европу в 2013 году. Или 155—160 миллиардов, которые ожидаются в 2016—2017 годах. Можно ли всерьез говорить о какой-то конкуренции на европейском или, к примеру, на китайском направлениях?

* * *

«Российско-иранская конкуренция в газовой сфере» — откровенная спекуляция «эффективных менеджеров» и их многочисленной экспертной обслуги. Причем — с провокационным «душком», появляющимся от усилий российского прозападного лобби измыслить любые аргументы для отказа от сотрудничества с Ираном. На ближайшие десять лет ни о какой конкуренции между Тегераном и Москвой в деликатной сфере разделов газовых рынков речи идти не может. А вот о партнерстве и совместных проектах говорить можно вполне. Но это — тема уже для другой статьи.

Антон Семенов

Иран: 36 лет независимости, 36 лет давления

Ровно 36 лет назад, 11 февраля 1979 года в Исламской Республике Иран (ИРИ) произошла Исламская революция, ставшая крупнейшим событием в истории страны в XX веке. Официально праздник именуется «Днем всенародного выражения солидарности с политикой руководства Исламской Республики и верности идеям основоположника ИРИ Имама Хомейни». Революция изменила условия жизни не только в стране, но и в регионе Ближнего и Среднего Востока в целом, так как на геополитической арене появился весьма амбициозный и конкурентоспособный игрок, прекративший подчиняться Западу и начавший жестко отстаивать свои интересы.

Экс-президент США Джеймс Картер: «Наказание исламской революции послужит хорошим уроком для стран, которые хотят встать на путь независимости».... 1979 г.

Аятолла Хаменеи: «Заговоры и интриги США начались с первых дней свершения исламской революции и со временем они стали циничнее»... 2015 г.

Послереволюционные годы дались Ирану совсем не легко. Сильный удар по развитию страны нанесла ирано-иракская война, начавшаяся в 1980 году и продлившаяся почти 8 лет. Экономическое и политическое давление со стороны Запада, не прекращающееся с момента свержения шахского режима также сказывается на темпах роста страны.

Говоря о «навязанной войне» (так иранцы называют конфликт с Ираком) можно с уверенностью утверждать, что, как и любая война, это событие однозначно негативно сказалось на стране. Однако этого нельзя сказать об эффекте западных санкций, призванных вынудить Иран отказаться от развития мирного атома.

Начиная с 1979 года, западный мир неустанно старается нанести максимальный урон экономике Исламской Республики. Наибольший ущерб причинял запрет на импорт нефти. После того как Вашингтон заставил Ев-

ропейский союз отказаться от импорта иранской нефти, суточный вывоз углеводорода из Ирана, составлявший два миллиона баррелей, сократился вдвое. Развитие иранской экономики также ограничивалось запретом на поставки Тегерану различных товаров, начиная от высокотехнологичного оборудования заканчивая медикаментами первой необходимости. Кроме того, под запрет попали платежно-расчетные и иные операции с банками Ирана, а валютные резервы страны, которые в 2013 году оценивались в 100 миллиардов долларов, были заморожены.

Санкции затронули и автомобильную промышленность Ирана. Она традиционно находилась на втором месте после нефтедобывающей индустрии, создавая до 10% ВВП, в автомобилестроении трудился почти 1 миллион человек. До 2011 года в Иране производилось 1500 тысяч новых автомобилей, однако после запрета на импорт оборудования для автомобилестроения и некоторых комплектующих производство упало до 800 тысяч.

Кроме того, будучи центром шиитского мира, помимо противников в лице США и Евросоюза, Иран является одним из главных идеологических конкурентов Саудовской Аравии, которая, в свою очередь, регулярно пытается усилить давление на ИРИ.

Монархии Персидского залива активно эксплуатируют вопрос ядерной программы Ирана и поддерживают Запад во всем, что может замедлить развитие Тегерана.

Однако несмотря на все искусственно созданные США и их сателлитами проблемы, давление Запада сказывается на Исламской Республике неоднозначно и зачастую дает обратный эффект. Об этом свидетельствует ее безоговорочное региональное лидерство, а также темпы роста, удивительные для государства, последние 36 лет находящегося под колоссальным экономическим, политическим, а также информационным давлением со стороны ведущих мировых держав.

В настоящее время экономика Ирана не только не уступает другим государствам региона, но и превосходит большинство из них. В 2014 году Ирану удалось поставить исторический рекорд — объемы добычи газа увеличились на 16 миллиардов кубометров, обеспечив Тегерану первое место в мире. По оценкам МВФ, объем ВВП Ирана в 2014 году достиг 406 миллиардов долларов, что стало вторым показателем в регионе после Саудовской Аравии.

Валютные запасы и золотые резервы Ирана сохранились на уроне 100 миллиардов долларов, а экономика страны поднялась до 17-го места в мире. Многократно повысилось производство стали (до 24 миллионов тонн в год), цемента (до 80 миллионов тонн в год), керамической плитки (до 380 миллионов тонн в год). Объем прямых иностранных инвестиций достиг 25 миллиардов долларов, при этом внешний долг Тегерана составляет лишь 16 миллиардов долларов или 4% от ВВП страны.

Опыт Ирана показывает, что даже в условиях внешней изоляции, правильно выстроенная внешняя и внутренняя политика способна обеспечить как диверсификацию экономики, так и поддержку крупных игроков на международной арене.

Владимир Алексеев

Реалии и перспективы российско-иранских отношений

Разговоры о том, что Россия и Иран приступили к более активному укреплению партнерства, в том числе в военно-политической области, вновь активно муссируются в российской, иранской и иностранной прессе. Этому во многом способствовал недавний визит главы минобороны РФ в Тегеран и недавние заявления о том, что осенью начнутся работы по ядерному объекту «Бушер-2». Периодически раздаются рассуждения аналитиков о том, что Россия и Иран связаны общими интересами в том, чтобы заставить Саудовскую Аравию отказаться от политики резкого снижения цен на нефть. Но в реалии дела идут далеко не так, что отвечало бы стратегическим интересам РФ и ИРИ.

Общие интересы

Недавний визит в Тегеран министра обороны России Сергея Шойгу примечателен тем, что это была первая за 15 лет поездка шефа российского военного ведомства в Иран. Как таковой, визит вызвал массу предположений и догадок о сближении между Москвой и Тегераном. Но пока еще слишком рано делать вывод о том, что приезд Шойгу в Тегеран свидетельствует о наступающем стратегическом сдвиге в российско-иранских отношениях. У обеих стран есть основания считать, что сотрудничество в сфере безопасности и экономики может быть взаимовыгодным в условиях той политики, которую проводит против них Запад. Но не все в Тегеране полагают, что в руках у Москвы находятся ключи к решению многих иранских проблем, или что Россия действительно решила искать новые подходы в отношениях с Тегераном.

После возвращения Крыма в состав России в марте 2014 года официальные лица в Тегеране пристально следят за тем, как ухудшаются отношения Москвы с Западом, и особенно с Соединенными Штатами, пытаясь спрогнозировать и просчитать, как выстраивать свою линию в этой новой ситуации. Некоторые консервативные, антизападные и антилиберальные деятели в Тегеране полагают, что изоляция России Западом дает Ирану благоприятную возможность для создания стратегического альянса с президентом Владимиром Путиным. Для них выгодно уменьшение роли Вашингтона на Ближнем Востоке и ослабление глобальной роли США в целом. Они доста-

точно твердо уверены в том, что наступает конец американского мирового господства и заранее размышляют о новом мировом порядке, в котором Исламская Республика Иран сможет играть ключевую роль, в том числе на базе стратегического партнерства с Москвой.

Эйфория и реальности

Однако никто в Москве и Тегеране пока не сформулировал структурированную и достаточно убедительную концепцию для продвижения к этой цели. Наша политика, к сожалению, в отношении ИРИ вообще как-то выпала из концепции внешней политики РФ на ближайший период, т. е., как ни парадоксально, но у нас в отношении Ирана до сих пор нет никакой стратегии. Напрочь отсутствует инициатива, нет упреждающей большой идеи. Нас заносит из стороны в сторону и реагируем на иранский фактор ситуативно, во многом спонтанно. И иранцы это видят, если внимательно изучить иранские заявления, то станет понятно: даже сторонники жесткой антиамериканской линии в Иране признают, что несмотря на громогласные заявления ведущих политиков Москвы, как, впрочем, и Тегерана, об объединении усилий Ирана и России в сфере экономики и безопасности, реальных успехов в этом направлении практически нет. Только одни слова! Торговый оборот между РФ и ИРИ снижается, реализация даже уже заключенных соглашений тормозится. Иран и Россия до сих пор топчутся на месте и лишь просто обсуждают двустороннюю бартерную сделку, в рамках которой предусматривается обменивать иранскую нефть на российские товары, услуги и инвестиции. Это вряд ли можно назвать сколь-нибудь важной новостью, поскольку такие переговоры идут с конца 2013 года.

Тем не менее, оптимисты, уверенные в скором наступлении новой эпохи в российско-иранских отношениях, утверждают, что на сей раз в позициях обеих сторон действительно произошли глубокие изменения, придающие этим отношениям мощный импульс силы. Они указывают не только на визит Шойгу, результатом которого стало подписание ряда соглашений в военной сфере, но и на визит Али Акбара Велаяти в Москву в конце января.

Велаяти, конечно, является одной из самых заметных политических фигур Исламской республики, который с 1981 по 1997 годы занимал пост министра иностранных дел. В ходе пребывания в Москве он провел беседу с Владимиром Путиным в качестве специального посланника президента Хасана Роухани. Но важность поездки Велаяти в Москву в большей степени скорее все-таки связана с тем, что он является главным советником верховного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи.

То, что выбор пал на Велаяти, свидетельствует о том, что обсуждение иранской политики в отношении Москвы ведется на самом верху, и что тон ему задает канцелярия Верховного лидера. Поскольку контакты на высоком рабочем уровне уже давно стали рутинным делом. Иранские официальные лица издавна приезжают в Москву для обсуждения тех вопросов, за которые непосредственно отвечают. Так, например, по вопросам иранской ядерной программы в Москву ездит министр иностранных дел Джавад Зариф. По сирийскому вопросу переговоры с российской стороной ведет заместитель министра иностранных дел Хосейн Амир Абдоллахиян, который весьма

близок к иранскому генералу Кассему Сулеймани, являющемуся главным архитектором иранской политики в Сирии.

Именно поэтому хочется верить, что приезд Велаяти в Москву может свидетельствовать о том, что назревают некие существенные изменения в российско-иранских отношениях. Так, Велаяти добился согласия Путина на то, чтобы «повысить статус» Ирана в Шанхайской организации сотрудничества, которая является евразийским блоком безопасности, укрепляемым Россией и Китаем с 1996 года в качестве противовеса западным международным организациям. Имея в ШОС статус страны-наблюдателя, Иран с 2005 года безуспешно пытается стать полноправным членом этой организации. Не исключено, что сейчас в Москве могут дать согласие на присоединение Тегерана к этой организации. Некоторые аналитики даже прогнозируют, что Иран получит зеленый свет на вступление в ШОС в сентябре с. г. на следующем ежегодном саммите альянса, который пройдет в России. Но и это не снимает главного вопроса — а когда состоится российско-иранский двусторонний саммит, который придаст реальный импульс чиновникам для выполнения многочисленных задекларированных намерений?

Негатив сохраняется

У России, к сожалению, довольно нестабильное и неустойчивое отношение к Ирану, напрочь отсутствует какая-либо стратегия в вопросе развития отношений с этой страной, из-за чего многие иранцы скептически смотрят на перспективы сотрудничества с РФ. Среди тех, кто весьма осторожно относится к российским намерениям, заместитель министра нефти Ирана Аббас Шахри Могаддам. Касаясь предположений о том, что российско-иранское сотрудничество приведет к повышению цен на нефть на мировых рынках, Могаддам заявил недавно, что это как минимум сомнительно. «Мы удивлены тем, что Россия, добывающая почти столько же нефти, сколько Саудовская Аравия, не готова выступить заодно с Венесуэлой, Ираном и Ираком, и сократить добычу на два миллиона баррелей в день», — сказал он. Иными словами, давнее и зачастую оправданное недоверие к конечным целям России в ее очередных попытках сближения с Тегераном по-прежнему очень сильно внутри иранского руководства.

Что касается вопросов сотрудничества в сфере безопасности, то в Тегеране с удовлетворением говорят о том, как Россия в декабре 2014 года объявила НАТО своим главным противником, а также об общих представлениях Тегерана и Москвы о террористических угрозах в регионе. Но по-прежнему у многих иранцев остается подозрительность. Дело в том, что некоторые заявления, звучащие из Москвы, вызывают сомнения и у официальных властей ИРИ. Вот один недавний пример. Когда израильский министр иностранных дел Авигдор Либерман на днях находился в Москве, его российский коллега Сергей Лавров заявил, что безопасность Израиля нельзя ставить под угрозу в процессе решения вопросов, связанных с иранской ядерной программой. Такое заявление совершенно ясно показало членам иранского руководства на многозначность интересов Москвы, вызвав у них весьма болезненную реакцию.

Что касается позиции России в вопросе иранской ядерной программы, то в Тегеране преобладает мнение о том, что Москва по-прежнему занимает

сторону других государств в рамках «шестерки» мировых держав. Член комиссии иранского парламента по национальной безопасности и внешней политике Назар Шафии предупредил в начале января, что Москва использует переговоры между Ираном и «шестеркой» в качестве «инструмента» отстаивания собственных интересов. «Иран не должен возлагать какие-то особые надежду на Россию, что касается его стратегических отношений с этой страной, — сказал он. — Российские руководители неоднократно заявляли, что могут изменить свою позицию в иранском ядерном вопросе, если США ослабят санкции против России». Эти слова Шафии прозвучали в ответ на заявление российского Министерства иностранных дел, которое за несколько дней до этого предупредило, что сохраняющиеся американские санкции против России «ставят под сомнение перспективы двустороннего сотрудничества (прим. автора — между Москвой и Вашингтоном) в урегулировании ситуации вокруг иранской ядерной программы». То есть в Тегеране исходят из того, что Москва открыто разыгрывает иранскую карту в двусторонних отношениях с американцами, и игнорировать это Тегерану трудно.

* * *

Во всех этих предположениях о перспективах российско-иранских отношений решающее воздействие будут оказывать три фактора. Во-первых, усиливающиеся противоречия между Россией и Западом в вопросе Украины будут и впредь давать президенту Владимиру Путину основания для сближения с альтернативными партнерами, такими как Иран. Во-вторых, если к июлю с. г. не удастся достичь компромисса в ядерном вопросе между Ираном и «шестеркой», укрепят свои позиции сторонники жесткой политики в Тегеране, которые уже давно весьма скептически относятся к попыткам сближения президента Роухани с Западом и заявляют, что стратегическое будущее Ирана связано с такими странами как Россия. В-третьих, Москве пора начать реальное сотрудничество с ИРИ в торгово-экономических отношениях и ВТС, перейдя от слов к делу. Если это случится, то паровоз российско-иранского взаимодействия наконец-то сдвинется с места.

Ахмад Вахшите

От Туркманчая и Гулестана до активной дипломатии с Россией

Отношения Исламской Республики Иран с Российской Федерацией, а еще раньше монархического Ирана с Российской Империей и ее приемником Советским Союзом знали много взлетов и падений и на протяжении долгих лет формировали дипломатию обеих стран. Всякий раз, когда простые иранцы слышат о русском царе, в их памяти воскресает воспоминание о Туркманчайском и Гулистанском мирных договорах, а когда о России начинают говорить иранские эксперты и аналитики, то непременно затрагивают проблемы, связанные с поставкой российского зенитно-ракетного комплекса С-300 и строительством российскими специалистами атомной электростанции в иранском Бушере. Однако все это лишь одна сторона медали. Когда же на противоположном, российском берегу Каспийского моря речь заходит об Иране, российские эксперты и аналитики утверждают, что как только США дадут ему зеленый свет, то он отвернется от России. В связи с этим надлежало бы иметь в виду, что недоверие обеих народов друг к другу взаимно. Вместе с тем уместно вспомнить одну туркменскую мудрость, которая гласит: «Соседей посылает Господь Бог», а Он дарует только благо. Следует учитывать, что коль скоро иранские шахи в определенный момент истории не имели в своей внешней политике хорошо продуманной стратегии и были вынуждены в первой половине XIX века заключить с Россией позорные для себя Туркманчайский и Гулистанский мирные договоры, закрепившие за ней большую часть территорий на Кавказе, это не было виной одних только русских. Если бы с севера Иран граничил с какой-либо другой сильной державой, какой сейчас являются Соединенные Штаты, Германия, Великобритания или Франция, его бы ждала такая же участь.

Внешняя политика нынешнего иранского правительства во главе с президентом Хасаном Рухани не сводится к четкому концентрированию на одном или двух центрах силы в современном мире, будь то Соединенные Штаты или Россия с Китаем, установлению холодных отношений с другими важными международными игроками или вовсе к аннулированию всяких связей с ними. Специалисты по международным отношениям хорошо помнят, что предыдущие два правительства Ирана под руководством Махмуда Ахмадинежада соглашались поддерживать свои дипломатические контакты только с Россией и лишь еще некоторыми странами. Однако по причине неверно выстроенных отношений с государствами Западной

Европы и США товарооборот Ирана с Россией тоже сократился до четверти. Создавалось даже впечатление, что прошлые кабинеты министров забывали, что находятся на Земле, а не на Марсе. Ведь русские живут на той же планете, где американцы и представители других западных стран, и дипломатические связи формируются в международной среде согласно объективным реалиям.

Таким вступлением мы хотели сказать, что Министерство иностранных дел Ирана под руководством Мохаммада Джавада Зарифа реализует тонкую дипломатию и способно рассматривать те или иные проблемы под разным углом зрения. Это означает, что с иранской стороны переговорами с «шестеркой» международных посредников занимаются высочайшие профессионалы во главе с самим министром. Более того, обязанности чрезвычайного и уполномоченного посла Исламской Республики Иран в Москве теперь возложены на Мехди Санаи, который прекрасно разбирается в проблемах России, давно лично знаком с президентом этой страны Владимиром Путиным и является членом Международного дискуссионного клуба «Валдай». Фактически, иранская дипломатия стремится доказать миру свою открытость и желает развивать отношения со всеми международными игроками. Односторонний подход, при котором Иран отдавал преимущество кому-то одному, остался в прошлом.

С иранской стороны переговорами с «шестеркой» международных посредников занимаются высочайшие профессионалы во главе с самим министром

За последний год благодаря усилиям ныне действующего иранского посла в России товарооборот между двумя странами, снижавшийся на протяжении предыдущих восьми лет, вновь начал расти. Кроме того, Кремль получил веские основания считать, что Тегеран, хотя и ведет переговоры с Западом по поводу своей ядерной программы, приоритетное значение он отводит развитию дипломатических отношений со своим северным соседом, посланным ему Господом. Именно поэтому спустя год после начала работы нового посла советник Духовного лидера Ирана по международным вопросам и глава Центра стратегических исследований при Ассамблее по определению государственной целесообразности Али Акбар Велаяти был назначен специальным представителем иранского президента, чтобы передать его послание Кремлю.

После этой встречи появилась информация об изменении статуса Ирана в Шанхайской организации сотрудничества с наблюдателя на полноценного члена. Принимая во внимание роль ШОС в региональной безопасности и экономике, для Исламской Республики это весьма важная перемена, поскольку это может усилить ее влияние на политические процессы в регионе. Ведь спустя долгие годы санкций и изоляции со стороны разных международных организаций теперь Иран, с одной стороны, ведет переговоры с группой «5+1», а с другой — становится членом такой важной региональной организации, как ШОС, в которую также входят Россия и Китай. Помимо прочего, Али Акбар Велаяти сообщил о развитии российско-иранских отношений, включая увеличение железнодорожных перевозок, экономического экспорта из Ирана в Россию и сотрудничества в сфере морских

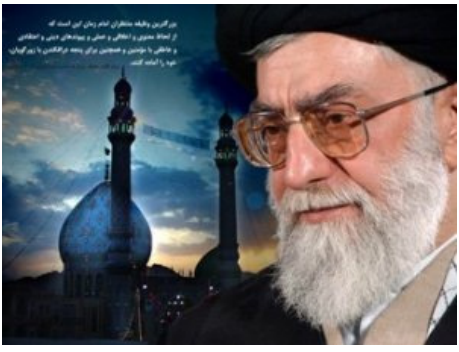
промыслов, а также о строительстве российскими специалистами шести тепловых электростанций. Кроме того, по его словам, объем товарооборота между двумя странами в 2015 году составит 20 миллиардов долларов. Все это означает, что хотя деятельность иранского посольства в России в прошлом году и была весьма продуктивной, активная дипломатическая работа с представителями Запада также внесла свою лепту в то, что полуторачасовая встреча Путина и министров иностранных дел и энергетики Лаврова и Новака с Велаяти, послом Санаи и заместителем министра иностранных дел Эбрахимом Рахимпуром была не церемониальным зачтением послания президента Ирана, а демонстрацией конкретных намерений.

Это послание дошло до Кремля в тот момент, когда он переживал трудный период из-за начала украинского кризиса и опасался краха всех своих усилий, направленных на поддержку Сирии. После начала споров вокруг ядерной программы Ирана русские по причине улучшения их отношений с Соединенными Штатами, согласно плану «перезагрузки» Хилари Клинтон, поддержали санкции против Исламской Республики, но сейчас они сами уже несколько месяцев подвергаются запретительным мерам Запада из-за своей оккупации Крыма. Создается впечатление, что сейчас настало самое лучшее время для того, чтобы Тегеран поделился с ними собственным опытом того, что иранцы называют «обходом санкций». С другой стороны, Иран в качестве третьей стороны не только имеет крепкие политические связи с Россией, но и находится в процессе улучшения собственных отношений с другими странами Запада, поэтому, будучи сильным игроком в дипломатической сфере, он может оказать содействие в решении противоречий, начиная с Сирии и Ирака и заканчивая Украиной. Дело в том, что на этот раз именно Иран при нынешних условиях в состоянии спокойно вести переговоры со всеми странами, включая США, и может играть весьма важную и даже определяющую роль в политических процессах в регионе и за его пределами.

В целом, если на пути продвижения конструктивной дипломатии между двумя соседними странами Россией и Ираном и есть какие-либо препятствия, усугубленные некоторым негативным опытом прошлого взаимодействия, следует учитывать, что каждое государство обычно действует согласно своим национальным интересам. Если у иранцев не будет собственной сбалансированной и четко продуманной внешнеполитической стратегии, им не только в очередной раз навяжут какой-либо позорный договор, наподобие Туркманчайского или Гулистанского, но и, возможно, прочие слабые государства, находящиеся по соседству с Ираном, например, арабские монархии Персидского залива, тоже захотят расширить свои территории за счет иранских земель. С другой стороны, если Иран сможет верно аргументировать свои общие интересы с другими странами, путем создания соперничества между региональными и мировыми игроками он добьется повышения собственного статуса в сотрудничестве по региональной и мировой политике и впредь уже не повторится такого, что из-за международных санкций немцы откажутся от выполнения контракта в Иране, русские, принявшие от них эстафету, по той же причине станут все время откладывать завершение своих работ, как это было при строительстве атомной электростанции в Бушере.

Владимир Алексеев

Внутриполитическая ситуация в Иране и ее воздействие на ирано-российские отношения



Пока в России продолжают думать над тем, как выстраивать отношения с Ираном и как далеко можно идти с этой ключевой страной Ближнего Востока, в самой Исламской республике происходят достаточно сложные внутриполитические процессы, от исхода которых будет зависеть, будет ли Тегеран вообще стремиться к тесному взаимодействию с Россией или же отдаст предпочтение Западу. Отсутствие какой-либо стратегии у России в отношении Ирана, впоследствии осязаемых результатов в течение многих лет в деле запуска эффективного партнерства РФ-ИРИ играет только на руку тем, кто всячески препятствует усилению российской роли в этом регионе. Более того, вялая политика Москвы в отношении Ирана укрепляет внутри ИРИ позиции тех сил, которые ратуют за сближение с США и ЕС. То есть любые промедления на этом пути играют на руку только Западу, который хочет втянуть Иран в орбиту своего влияния.

Расхождения внутри правящих кругов

В условиях, когда осуществляется мощное внешнее давление на Тегеран в связи с развитием его мирной ядерной программы, а на Ближнем Востоке продолжают нарастать многочисленные кризисные явления, в том числе связанные с суннито-шиитским противостоянием и ростом терроризма, власти ИРИ уделяют первостепенное значение обеспечению стабильного развития внутриполитических процессов для сохранения устойчивости правящего режима. На сегодня это удается руководству Тегерана при сохранении контроля над ситуацией под руководством Духовного лидера (Рахбара) аятоллы Али Хаменеи и его ближайшего окружения, которое твердо ведет курс на консолидацию всех элементов политической системы ИРИ.

При всех неоднозначных проявлениях, особенно в отношения переговорного процесса по ИЯП и попыток нормализовать отношения с Западом, Али Хаменаи продолжает оказывать поддержку президенту Хасану Роухани и его правительству, несмотря на критику его действий со стороны консервативных и националистических кругов. Многие иранцы из правяще-

го эшелона откровенно недовольны откровенным креном Хасана Роухани и его команды в сторону возобновления полномасштабных отношений с Западом. Некоторые даже обвиняют их в том, что это происходит в ущерб национальным интересам.

Именно эта часть политической пирамиды ИРИ объективно является препятствием с иранской стороны в деле становления партнерства Тегерана с Москвой. Они стали невольным, вместе с тем объективным союзником прозападно-либеральных сил в Москве, которые всячески тормозят развитие полномасштабных отношений с Ираном, чтобы, не дай бог, не разозлить США и их союзников. Причем это касается не только оппозиционных сил, выступающих за смещение режима Владимира Путина в угоду США, но и определенных элементов внутри госструктур РФ, которые фактически бойкотируют любое движение Москвы в сторону Тегерана. Видимо, они тоже являются составной частью «пятой колонны», выполняя роль американских агентов влияния изнутри правящей власти.

Иранским либералам внутри ИРИ противостоят те, кто понимает: любой союз с США постепенно приведет к смене нынешнего режима и трансформации ИРИ в прозападную марионетку по типу Саудовской Аравии. Суверенитет страны будет ограничен, а Тегерану отведут роль жандарма в Персидском заливе и на Ближнем Востоке в целом, а также превратят ИРИ в плацдарм для враждебных действий против России, включая продвижение интересов США в Центральной Азии и в Закавказье. Отсюда — возрастающее давление на команду Хасана Роухани со стороны консерваторов во главе с аятоллой Месбахом Язди, командования силовых структур, прежде всего Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и значительного числа депутатов иранского парламента.

Иранским либералам внутри ИРИ противостоят те, кто понимает: любой союз с США постепенно приведет к смене нынешнего режима и трансформации ИРИ в прозападную марионетку по типу Саудовской Аравии

Разногласиям внутри иранской элиты способствует и не слишком эффективная деятельность правительства на социально-экономическом направлении, тем более что Хасан Роухани откровенно пытается перераспределить властные полномочия в пользу своих сторонников. Это вызывает недовольство уже и среди простого населения. Не случайно, к критике сторонников президента ИРИ в лице консерваторов примкнули и умеренные принципиалисты во главе с председателем законодательного органа Али Лариджани.

Однако пока Духовный лидер Али Хаменаи не допускает перерастания нападок на Хасана Роухани в открытое столкновение. Но его поддержка явно зависит от способности президента добиться подвижек на ядерных переговорах, в первую очередь в плане ослабления негативного санкционного давления. Хотя уже сейчас ясно, что вряд ли это случится ранее нового установленного срока — до 1 июля 2015 года. Тем более что Россия ведет себя крайне пассивно в этом вопросе, следуя в фарватере усилий американской дипломатии.

Причины иранского недоверия к России

Некоторое время тому назад Iran.ru написала о «16 причинах иранского недоверия к России». В самом деле, что касается иранцев, которые не верят в то, что с помощью России ИРИ может прийти к отмене санкций и экономическому процветанию, то их подход объясняется многими причинами, а не только слепой привязанностью к Западу с его либеральными ценностями. Конечно, можно посмотреть на все это даже в исторической ретроспективе, попытавшись объяснить такое недоверие старыми обидами еще времен Грибоедова, но делать так — значить сильно притягивать все «за уши». И не в том, что после исламской революции в Иране в 1979 году Москва, испугавшись распространения влияния идеи хомейнизма на свои мусульманские регионы и Афганистан, куда вошли советские войска, фактически солидаризировалась с позицией США и наиболее консервативной части арабского мира в лице Саудовской Аравии и других аравийских монархий. А затем активно поддерживала иракского диктатора Саддама Хусейна в ходе кровопролитной восьмилетней ирано-иракской войны. Дело в нынешнем восприятии Тегераном России в политическом, военном и экономическом плане.

Постепенное развитие торгово-экономических отношений Ирана с Россией в последние 15 лет, в том числе и строительство АЭС в Бушере, и начало взаимодействия в энергетическом секторе, включая нефтяную и газовую сферу, постоянно сопровождалось оглядками Москвы на периодические окрики из Вашингтона. Создавалось впечатление, что российские компании готовы работать в ИРИ только при «отмашке» со стороны американцев. В Тегеране неоднократно выражали недовольство тем, что Россия сдерживала развитие военно-технических связей, воздерживаясь от поставок современных видов вооружения, особенно систем ПВО «С-300» и некоторых оборонительных видов оружия, хотя они не подпадают под действие международных конвенций. Иранцы заметили и то, что практически все российские банки поспешили свернуть финансовые связи с иранскими структурами под угрозой попасть под действие односторонних санкций со стороны США, вводимых абсолютно нелегитимно. При подобном подходе Иран не мог рассчитывать на полноценное сотрудничество с РФ.

В ИРИ явно не понимали, почему на переговорах по ядерной программе российская сторона почти всегда в конечном счете примыкала к солидарной позиции западных участников переговоров. Еще больше вопросов возникло после того, как Москва поддержала принятие США и их союзниками международных санкций против Ирана из-за задержек и споров в ходе переговорного процесса по ядерному досье Тегерана, причем сделано это было через СБ ООН, где у Москвы есть право вето. Заигрывания Москвы со арабскими странами Персидского залива, прежде всего с Саудовской Аравией и Катаром на протяжении 2006—2012 гг. в обмен на их обещания закупить российское оружие в больших количествах и вложить в российскую экономику миллиарды долларов тоже сыграло свою роль. Именно в это время Москва сделала уступки Западу по ядерной программе ИРИ и заморозила реализацию контракта на «С-300», а также замедлила темпы строительства АЭС в Бушере. При этом, в конечном итоге, ни американцы по достоинству не оценили «сговорчивость» России, ни Саудовская Аравия не выполнила обещание закупить оружие.

«Арабская весна» еще более насторожила Иран в отношении России. Особенно история с Ливией, где российские потери от свержения режима Муаммара Каддафи составили десятки миллиардов долларов. В Тегеране не поняли, зачем Москва пропустила в СБ ООН антиливийские резолюции в ущерб собственным интересам, причем это были резолюции, которые дали США, НАТО и ваххабитским монархиям международное оправдание варварски уничтожить ливийское государство и зверски убить его лидера. Иранцы не поверили последовавшим публичным объяснениям РФ, что, дескать, в Москве не ожидали такого коварства от западных «партнеров», которые подло «обманули» и использовали резолюции Совбеза для жесточайших бомбардировок всех важнейших объектов режима Каддафи. Многие в Тегеране стали прикидывать, а что будет с Ираном, если США и Израиль при участии Саудовской Аравии так налягут на Москву, что та «проглотит» и бомбардировки ядерных объектов ИРИ? На помощь России, тем более военную, или пусть даже морально-политическую, иранцы уже не рассчитывали. А ведь в 2011—2012 гг. такие удары уже реально готовились. Израиль в тесной координации с США несколько раз намеревались бомбить военные и стратегические объекты Ирана. Как минимум два раза даже самолеты были заправлены, загружены смертоносными ракетами, двигатели даже были запущены и в последнюю минуту все отменялось. Так что Израиль и США, НАТО и Запад были всего в шаге от полномасштабной войны с Ираном. Этому помешала ситуационная геополитическая конъектура, с одной стороны, и затянувшаяся война в Сирии, вооруженный конфликт в Ираке, вывод американских войск из Афганистана — с другой. Именно эти причины не дали США и их союзникам возможности воевать еще на одном фронте — иранском. Кстати, они до сих пор не отказались от планов нападения на Иран, они ждут более подходящих условий для этой войны. США, Израиль и Запад, арабские страны Персидского залива не отстанут от Ирана, пока иранский режим не возьмет курс на западные ценности. А такая трансформация неминуемо привет к смене политической системы.

Упорство Москвы по Сирии, где режим Башара Асада смог устоять только при помощи России, несколько улучшило имидж России в глазах иранцев. Затем Москва поддержала шиитское правительство в Багдаде, когда ИГИЛ был уже готов начать штурм иракской столицы. Ну, а действия Москвы в украинском вопросе, особенно по Крыму, еще больше укрепили иранцев во мнении, что сегодня РФ все-таки способна вставать на защиту своих интересов, даже если это приведет к острой конфронтации с Западом.

Но у многих иранцев имеются и сомнения чисто экономического плана: способна ли российская сторона предоставить ИРИ современные технологии, в том числе в важнейшей для иранцев нефтегазовой сфере, для быстрого развития добычи и экспорта углеводородов; готова ли российская сторона делать крупные инвестиции в иранскую экономику, которые так необходимы на первых порах. Настораживают также разговоры и публикации о большой коррумпированности российских компаний, работающих на внешнем рынке. Кроме того, нельзя забывать, что многие иранцы или их родители получили образование на Западе. А в России почти никто из ИРИ не учился. Отсюда — естественная культурная ориентация на Запад и привязка к его технологиям весьма значительной части технократов, деловых кругов и интеллигенции.

Имеются еще соображения политического и геостратегического плана: Тегеран хочет быть уверен в том, что Москва готова создать серьезный союз с Ираном, для противостояния агрессивной политике Запада и консервативных режимов Аравии. А для этого Тегеран хотел бы получить полноценное место в ШОС и таких структурах, как БРИКС. События на Украине, казалось бы, свидетельствуют об этом. Но иранцы слишком осторожны, чтобы уже сейчас сделать окончательный выбор. И им нужны конкретные доказательства реальными действиями со стороны Москвы.

Все будет зависеть от снятия санкций

Практически все иранцы ждут того момента, когда будут сняты санкции. И здесь Москве нужно спешить, пока Россию не опередили западные конкуренты. А при нынешнем подходе к становлению партнерства с ИРИ у российских компаний все меньше шансов. Транснациональные компании уже столбят себе позиции в иранской экономике. Тем более что у них преимущество в главном для Ирана секторе — нефтегазовом, где нужны крупные иностранные инвестиции. Министерство нефти ИРИ планирует провести в марте с. г. в Лондоне презентацию нефтяных контрактов на общую сумму около 40 млрд долл. специально для иностранных компаний. Но российские компании вряд ли туда попадут. Хотя они могли прийти в Иран еще несколько лет назад напрямую, без всякого конкурса и тендера, на двусторонней основе, в обход санкций и получить самые лакомые куски этой отрасли и других отраслей иранской экономики.

К великому удивлению иранцев Москва не стала налаживать координацию с Тегераном и в связи с резким снижением цен на нефть, хотя они прямо заявили — их обрушение произошло в результате сговора США и Саудовской Аравии. А ведь если бы РФ, ИРИ и Венесуэла прекратили поставки нефти на мировой рынок хотя бы на две-три недели, ее цена выросла бы вновь, причем, как утверждают специалисты, даже до 200 долл. за баррель.

* * *

Конечно, время еще есть, хотя его крайне мало. А внешняя ситуация и внутриполитическая обстановка в Иране играет не в пользу России. Если санкции будут сняты благодаря успеху прозападной команды Хасана Роухани, то политическая элита не сможет этого проигнорировать. А уж народ тем более. И тогда Иран неизбежно начнет движение в сторону Запада, тогда как число сторонников России, и без того не слишком большое, будет уменьшаться. А по мере укрепления позиции иранских либералов шансы российского бизнеса в ИРИ станут призрачными. Так что стартовать нужно сейчас, не дожидаясь 1 июля с. г. Причем параллельно с торгово-экономическими связями усиленно развивать ВТС. Ведь сильный и самостоятельный Иран, способный противостоять амбициям США и отстаивать свои интересы, — это более чем в интересах Москвы.

Ирина Джорбенадзе

ШОС пугает Запад Ираном

Летом в Уфе состоится саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), основанной в 2001 году лидерами России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС являются восемь стран, и количество соискателей соответствующих статусов растет. А на вступление в ШОС, численность населения которого составляет два миллиарда человек, подали заявки Пакистан, Индия и Иран. Как ожидается, вопрос расширения организации будет рассмотрен на уфимском саммите. Но прогнозировать, станут ли эти три страны полноценными членами организации уже в текущем году — сложно. Особенно это относится к Ирану, наиболее заинтересованному в членстве в ШОС.

Отношение к этой стране внутри ШОС двойственное, поскольку против нее действуют санкции ООН, и вопрос разрешения иранской ядерной программы завис в воздухе. К тому же для вступления в ШОС требуется согласие всех его участников, но, вероятно, не все они хотят видеть Иран в своих рядах.

Хотя для политических тяжеловесов ШОС — России и Китая — членство Ирана видится более чем желательным. Россия, кстати, дала понять, что поддержит на саммите в Уфе заявку на членство Ирана в организации. Неизвестно, однако, как поступит Казахстан. А для Запада, и, в первую очередь, для США полноправное участие исламской республики в ШОС сродни региональному геополитическому перевороту. Это означает, что Запад торгуется или вскоре начнет торговаться, в основном, с Россией и Китаем, по вступлению — не вступлению Ирана в ШОС.

Чего, собственно, опасается Запад? В первую очередь, того, что участие Ирана в организации, в которой представлены два постоянных члена Совета безопасности ООН, будет способствовать созданию новой региональной архитектуры безопасности, сильно снижающей шансы США на усиление своего влияние в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Кроме того, со вступлением Ирана в Шанхайскую организацию она, так или иначе, приобретет имидж регионального антизападного блока, и идея Запада по продвижению «цветных революций» в государства — члены ШОС, станет труднореализуемой.

Запад, вероятно, также отдает себе отчет в том, что участие Ирана в ШОС может оказаться полезным для отношений этой организации с исламским миром, где Тегеран пользуется определенным авторитетом. И вообще,

членство Ирана в ШОС означает усиление экономического потенциала этой организации и его энергетической безопасности. Напомним, что Иран по запасам природного газа занимает второе место в мире, а по запасам нефти — пятое. К этому следует добавить, что стратегически важное географическое положение Ирана делает его, среди прочего, региональным транспортным центром — логистическая инфраструктура здесь довольно хорошо развита.

Но почему Иран так рвется в Шанхайскую организацию? Вероятно, для него участие в ШОС означает защиту от военной интервенции, в первую очередь, со стороны США, хотя Шанхайская организация официально и не является военно-политической структурой. Между тем одним из основных направлений ее деятельности провозглашена борьба с терроризмом, сепаратизмом, наркотрафиком и обеспечение безопасности государств-членов.

Для этого в Ташкенте была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС). При этом ШОС заявила, что, хоть и не планирует стать военным блоком, но повышение угрозы терроризма, экстремизма и сепаратизма делает необходимым «полномасштабное вовлечение военных сил». Организация также подписала соглашение с ОДКБ по вопросам безопасности. Выводы из этого можно сделать разные, вплоть до обещания государств ШОС не дать друг друга в обиду — времена-то «брутальные».

Следующим стимулом для Ирана в контексте ШОС является экономический. Если в организацию вступит Индия, что ожидаемо, Иран станет участником огромного рынка — не будем забывать о колоссальных возможностях России и Китая. О том, что в составе ШОС Иран станет участником выстраивания новой архитектуры безопасности, сказано выше, равно как об усилении его влияния в регионе с параллельным снижением влияния США. Собственно, дивиденды от вступления в ШОС для Ирана налицо, тем более, что его ядерная программа, с одной стороны, повышает его авторитет в регионе, а с другой — делает уязвимым и находящимся в позиции постоянной защиты от внешнего вмешательства.

А что даст Иран Шанхайской организации и, в первую очередь, России? Во-первых, он имеет большой опыт борьбы с наркотиками, распространяемыми из Афганистана. Во-вторых, Иран может быть использован государствами ШОС, в частности, Россией, как средство давления на США. А если загадывать на отдаленную перспективу, Иран может усилить исламский сегмент организации и несколько сдержать активность Китая на евразийском пространстве.

Участие Ирана в ШОС также позволит контролировать его внешнеполитическую деятельность, то есть отдалить от Запада, который хочет править балом в Тегеране, что смешало бы все геополитические расчеты Москвы.

Касаясь темы необходимости Ирана для ШОС, Iran.Ru, в частности, пишет: «...Участие Тегерана в качестве полноценного члена ШОС позволит сгладить возникшие в этой организации противоречия вокруг реализуемой Китаем грандиозной программы «нового экономического пространства Шелкового пути».

И далее: «Сегодня членство Ирана необходимо, в первую очередь, самой этой организации. Для Тегерана это шанс активного участия в наиболее реальной из существующих интеграционной площадок. Для ШОС — воз-

можность реализовать действительно прорывные проекты, позволяющие, к тому же, перевести российское недовольство «несправедливым мироустройством» в весьма практическую плоскость».

«Несправедливость мироустройства» в последнее время стало для России темой не менее актуальной, чем для Ирана — обе страны функционируют в условиях санкций, и совместное участие «отверженных» в ШОС может дать хороший политический и экономический эффект. Но Россия и Казахстан все же, видимо, склонны расценивать Иран не столько в качестве партнера, сколько конкурента, что, в некотором роде, понятно. И тут важно решить: принимать Иран в ШОС, уравновешивая его внутри организации и используя все его плюсы, или не принимать, прикрывшись санкциями, и дав возможность Западу насладиться провалом стратегического вектора Москва-Тегеран-Пекин, которого он крайне опасается.

Пока же генеральный секретарь ШОС Дмитрий Мезенцев обещает, что на саммите в Уфе «примут ряд политических решений, которые касаются расширения организации». По его словам, юридических препятствий для вступления в ШОС Индии, Пакистана и Ирана не существует.

Заявление это звучит для Ирана достаточно обнадеживающе. Но если Запад действительно доторгуется с государствами ШОС по участию — не участию Ирана в этой организации, в государствах Центральной Азии и во взаимоотношениях России с Ираном наступит новый и вряд ли удачный этап. В таком случае с большой долей вероятности можно прогнозировать, что особой близости с ШОС будет добиваться Турция, не скрывающая вообще, а в контексте ШОС и Евразийского союза — в частности, претензии на расширение своего влияния в тюркском мире.

Но, надо думать, на данном этапе Иран может придать ШОС гораздо больше веса и авторитета, чем Турция, что не исключает тесные связи Анкары с Шанхайской организацией сотрудничества.

Игорь Панкратенко

Победит ли «миротворец» Обама «неистового Биби» Нетаньяху?

Вопрос «состоится ли подписание соглашения между Ираном и «шестеркой» международных посредников?», — по большому счету, утратил свою актуальность. Важнее сейчас ответ на другой вопрос: «Удастся ли американскому президенту преодолеть вето, которое наложил на любую «сделку» с Тегераном премьер-министр Израиля?» Противостояние двух этих политиков по вопросу иранской ядерной программы сегодня достигло пика, и ясности, кто же в нем победит, так и нет.

США, конечно, сверхдержава, но это совсем не означает, что их президент — самый могущественный человек на земле. Сравнивать Америку и Израиль хоть в чем-то — значит откровенно смешить людей, но вот ведь что интересно: уперся Тель-Авив в вопросах соглашения с Ираном — и ничего с этим упрямством «булавочной головки на карте мира» Вашингтон поделать не может. «Влияние важнее власти» — вот та гениальная формула, которая обеспечивает политический вес Израиля в Вашингтоне и европейских столицах. Обвинения в антисемитизме — вот то универсальное оружие, которое позволяет израильскому руководству побеждать своих оппонентов за рубежом, какие бы важные посты они не занимали. Сегодня американский президент в полной мере начал испытывать на себе и универсальность этой формулы, и эффективность этого оружия.

Обаме как воздух необходимо соглашение с Ираном. Разумеется, в Вашингтоне никто всерьез не намерен мириться с существование Исламской республики, снимать все санкции в отношении Тегерана или прекращать против него необъявленную и тайную войну. Сверхзадача соглашения в другом — создать иллюзию нормализации, чуть ослабив экономическую удавку, заставить Иран отказаться от активной внешней политики в регионе, заставить его сосредоточиться на внутренних проблемах. И уже добившись этого, убрав «иранский» камешек из «ботинка» американской дипломатии на Ближнем Востоке, довести до логического завершения планы в отношении Сирии, Ирака и других государств.

Именно для решения этой сверхзадачи и появился план «Решение в два этапа». В марте, к сроку, обозначенному ультиматумом Конгресса США, подписывается предварительное «политическое соглашение», определяющее подходы и принципы к иранской ядерной программе. К концу июня нынешнего года заключается соглашение «техническое», предусматривающее детализацию того, что Тегерану можно, а что нельзя в ядерных иссле-

дованиях, перечень санкций, которые могут быть отменены в рамках этого документа, а также список гарантий иранской стороны, обеспечивающих выполнение ею достигнутых договоренностей.

А Нетаньяху — против!

План «Решение в два этапа» — настоящая находка для триединой антииранской коалиции в составе Конгресса, Тель-Авива и Эр-Рияда. Она, эта коалиция, разумеется куда как многочисленнее, но эти трое в ней — непрерывно работающий «пламенный мотор». И вышеупомянутый план выгоден в первую очередь потому, что с его реализацией этот «мотор» без работы не останется. С одной стороны — «овцы» из Белого дома в целости сохраняют свой образ миротворцев и инициаторов разрядки конфликта, которому вот уже тридцать шесть лет. Но ведь и «волки» будут довольны, поскольку начнут рвать подписанное соглашение на куски, успешно оспаривая отмену самой незначительной санкции и столь же успешно фабрикуя доказательства того, что Иран своих обязательств не соблюдает, а его гарантии ничего не стоят. А заодно — находить новые поводы для новых санкций — от вопросов относительно ракетной программы Тегерана до пресловутых «прав человека» и «репрессий в отношении оппозиции». По сути, «Решение в два этапа» ничего не решает, а лишь создает иллюзия решения, в которую должны будут поверить и в Иране, и в США. Что здесь не так, что именно не устраивает «неистового Биби», развившего бешеную активность вокруг документа, исполнять условия которого никто с американской стороны всерьез не собирается?

Суть позиции нынешнего израильского руководства в отношении ядерной программы Тегерана заключается в том, что Исламская республика никогда, ни при каких обстоятельства и ни в каком объеме не должна иметь возможностей для самостоятельного производства любого ядерного компонента

Все дело в принципе. Суть позиции нынешнего израильского руководства в отношении ядерной программы Тегерана заключается в том, что Исламская республика никогда, ни при каких обстоятельства и ни в каком объеме не должна иметь возможностей для самостоятельного производства любого ядерного компонента. Пусть это даже будет низкообогащенный уран, пусть его будет всего пара десятков килограмм — Нетаньяху против даже этого мизера, если он произведен Ираном самостоятельно. С Бушерской АЭС и новыми блоками, конечно, ничего уже не поделать, но все остальное — даже производство топлива для них и радиоизотопы, применяемые в медицине, — должно поставляться Ирану из-за границы и при неусыпном контроле. Желательно, производимом «атомщиками в штатском» из израильских спецслужб. Все остальное, любые другие условия для «неистового Биби» и есть та самая «плохая сделка», в желании заключить которую он обвиняет Обаму и Керри.

Причем, накал риторики идет по нарастающей. В ход пошел главный козырь — обвинения в антисемитизме, то самое «универсальное оружие», которое способно уничтожить карьеру и репутацию любого политика на Запа-

де. «Слова Обамы антисемитские по сути и поощряют нападения на евреев. Заявив, что радикальные исламисты вовсе не преследуют специально именно евреев, Обама выбил почву из-под ног у утверждений евреев о растущей угрозе. Это заявление призвано также обвинить Израиль в преувеличении опасности, исходящей от Ирана», — пишет влиятельная израильская «Маарив». И это — только начало широкомасштабной кампании против Обамы, которую готово развязать израильское лобби в США. Для антииранской коалиции Обама теперь враг, в отношении него все методы хороши, поскольку, по мнению правящих кругов в Тель-Авиве, «не Нетаньяху создал этот кризис. Он, как и все еврейское государство, стал жертвой президента, который своими действиями создал угрозу существованию Израиля».

В чем главная причина израильских страхов перед «иранским атомом»?

И израильский премьер, и его окружение прекрасно знают, что военной составляющей в иранской ядерной программе нет. И в Израиле, и в США совершенно точно знают, что Иран никогда не разрабатывал и не разрабатывает программу по создании отечественного ядерного оружия. Все что хочет Иран — это иметь доступ к мирному атому, так как иранцы прекрасно понимают, что без доступа к современным ядерным технологиям практически остановится развитие страны, погибнут миллионы людей от нехватки медикаментов и отсутствия лечения, основанных на этих технологиях, фактически остановится жизнь и, более того, это отбросит страну на десятилетия назад. Поэтому Ирану по большому счету «плевать с большой горы» на паранойю сионистского образования (Иран не признает Израиль как государство).

И в Израиле, и в США совершенно точно знают, что Иран никогда не разрабатывал и не разрабатывает программу по создании отечественного ядерного оружия

Отчего тогда истерика и бешеная активность? Принято считать, что боязнь Ирана носит у израильского руководства характер «экзистенциальной угрозы». Звучит красиво, но сути явления не отражает чуть более чем никак. Действительная природа израильских страхов — во-первых, боязнь утратить свою монополию на обладание ядерным оружием. Тель-Авив долго и методично взращивал к себе враждебность в исламском мире в целом и в арабском — в частности. И те, по одним оценкам двести, по другим — четыреста боеголовок с атомной начинкой, которыми он обладает, — его «последний рубеж обороны» перед волной ненависти исламского мира, тот самый, как говорили несколько веков назад «последний довод королей», гарантирующий выживание нынешнего режима.

Будем честны — а так ли уж сильно осудит Израиль западный мир, если он применит свое оружие против какой-нибудь «восточной диктатуры»? При этом, проведя массированную пропагандистскую кампанию о зверствах «кровавого режима» и его угрозе для «всего прогрессивного человечества»? Повозмущаются, конечно, но этим все и закончится. В осознании этой безнаказанности — основная причина агрессивного поведения Израиля. Но

все изменится, если у противника будет что-то схожее по разрушительной мощи. Гарантированная возможность «удара возмездия» полностью меняет региональные «расклады» и статус Тель-Авива. И пока есть хоть малейший шанс, что кто-то в регионе нарушит израильскую «ядерную» монополию, руководство этой страны, что называется, «из кожи вылезет», ни перед чем не остановится, чтобы даже предпосылки к подобной ситуации ликвидировать.

Весьма красноречиво говорит об этом известный израильский военный, генерал-майор Яаков Амидрор: «Нужно понимать, что в борьбе с Ираном не может быть запретных линий. С ними невозможно о чем-либо говорить... Нужно понимать, что иранцы будут действовать против Израиля везде, в любом месте и в любое время. Это, кстати, одна из причин, почему ни в коем случае нельзя допустить, чтобы режим аятолл в Тегеране обзавелся собственным ядерным оружием... Если бы у них было ядерное оружие, то все, что мы наблюдаем сегодня, показалось бы нам детскими играми. Обладая атомной бомбой, они десятикратно усилили бы свои действия против Израиля».

Но кроме страхов собственно Тель-Авива, есть еще фобии того же Эр-Рияда. Сильный Иран в статусе региональной державы ни саудитам, ни многим другим на Ближнем Востоке не нужен. Ни как конкурент в нефтяной сфере. Ни как альтернативная модель государственного и социального устройства. Ни как центр «шиитского Пробуждения» — борьбы меньшинства за свои права. И здесь интересы арабской и израильской частей антииранской коалиции полностью совпали, на чем, собственно, и состоялся «антииранский фронт», активно выступающий против даже самых декоративных усилий Обамы по нормализации отношений с Тегераном

Итак, кто же победит?

Шансы американского президента на успех в противостоянии антииранской коалиции, «голосом» которой выступает сейчас «неистовый Биби» Нетаньяху, весьма незначительны. Не столько потому, что финансовые и политические ресурсы израильского, саудовского и военно-промышленного лобби существенно превосходят возможности Обамы и его администрации. А из-за того, что «иранский вопрос» — лишь элемент куда как более глобального процесса, создания Западом новых форм контроля над Ближним и Средним Востоком.

На смену неоколониализму идет софт-колониализм, для которого нынешняя политическая карта региона устарела, неудобна и нуждается в перекраивании. На новой карте не нужны единый Ирак, Сирия Башара Асада, «Большой Иран», то есть примыкающий к географическим границам Ирана «шиитский мир» от Персидского залива до Пакистана. Перед столь грандиозными замыслами переговоры по ядерной программе Тегерана — вещь, по сути, мелкая и вторичная. Даже если и состоится подписание какого-то соглашения с Ираном, то оно будет стоить не больше бумаги, на которой написано. Любой успех Обамы в этом направлении будет тут же «торпедирован» антииранской коалицией.

Что уже происходит сейчас, на наших глазах? Ничего еще не решено по срокам подписания, даже МАГАТЭ признает, что Тегеран безукориз-

ненно выполняет условия промежуточного соглашения и все его ядерные возможности находятся под международным контролем, а буквально на днях Евросоюзом введены дополнительные санкции против некоторых иранских граждан и Иранской национальной танкерной компании. И в США вновь дебатируется вопрос о приеме заявок иранских граждан на обучение по научным специальностям... Впрочем, таких «тревожных звоночков», примеров того, что никто всерьез на Западе не готовится к отмене санкций против Тегерана, можно набрать не один десяток, было бы желание.

* * *

После введения санкций против России в США и Европе заговорили о том, что жесткая позиция на переговорах по ядерной программе создает опасность того, что «Иран упадет в объятия России». Руководству Израиля удалось успокоить своих партнеров по антииранской коалиции, убедительно доказав им, что в ближайшее время этого не произойдет, и Тель-Авив это гарантирует. По всей видимости, представленные доказательства действительно были достаточно убедительными. И это еще одно подтверждение того, что возможности антииранской коалиции и израильской ее части так велики, что охватывают и Россию. Настолько, что способны превратить соглашения, на подписании которых так настаивает американский президент, в пустые бумажки.

Владимир Ефимов

Российская стратегия в отношении ключевых стран Ближнего Востока

По мере осложнения военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, где продолжается расширение зоны контроля ИГИЛ, который недавно открыл «второй фронт» в Ливии, увеличивается число сторонников экстремистских организаций, происходит дальнейшая эрозия многих арабских стран, оказавшихся в состоянии хаоса и полураспада, обостряется суннито-шиитская конфронтация и вот-вот может начаться передел границ региона, установленных после распада Османской империи в результате первой мировой войны 100 лет назад, встает вопрос о том, какую стратегию проводит Россия в отношении этого региона, и прежде всего в отношении его ключевых стран, которыми на сегодняшний момент являются Иран, Саудовская Аравия, Турция, Израиль и Египет. К сожалению, анализ последних шагов нашей дипломатии, как и политическая линия Москвы на протяжении последних 10 лет, показывает, что какая-либо стройная и последовательная концепция внешней политики РФ на Ближнем Востоке фактически отсутствует. Более того, многие действия не совсем понятны и могут противоречить одно другому.

Кто для России сейчас важнее всех?

Если проанализировать важность каждой из этих стран для России во всех планах: торгово-экономическом, политическом, военном, геополитическом, с точки зрения. влияния в регионе и т. д., то безусловно ясно — с учетом всех факторов для Москвы важнее всего развивать партнерство с Ираном и Турцией. Они обладают наиболее значимым экономическим потенциалом, а Иран — богатейшими нефтегазовыми ресурсами. Внутренняя ситуация в них достаточна стабильна, размеры территории и населения позволяют рассматривать их как региональные суб-державы, военная мощь достаточно велика, отношение руководства к Москве в целом позитивное, присутствует интерес с их стороны развивать многоплановое сотрудничество с РФ практически во всех сферах. Турция, правда, является членом НАТО, что накладывает на нее определенные обязательства к Западу и, в первую очередь, в отношении США. На ее территории расположены натовские военные базы, направленные против России. Иран в этом плане гораздо более привлекателен, тем более что на протяжении 36 лет Запад, особенно США, проводит враждебную Тегерану политику, тем самым толкая иранцев в сто-

рону РФ. Есть, конечно, еще Ирак, Сирия и Алжир, но их значение на данном этапе не столь велико для РФ с точки зрения стратегической отдачи. Хотя это, скорее всего, вопрос времени.

Египетская загадка

Египет, с котором в последние 2 года отношения бурно развиваются, а разговоры о дружбе и партнерстве слышатся все громче, конечно, является ключевой страной арабского мира с давней историей отношений с Москвой, только есть несколько «но». После «цветной» революции, сбросившей президента Хосни Мубарака и приведшей к власти «Братьев-мусульман», опиравшихся на финансовые вливания Саудовской Аравии и Катара, а затем в результате госпереворота, осуществленного военными, Египет уже 4 года не выходит из полосы внутриполитической турбулентности. Стабильность нынешнего режима под вопросом, учитывая, что почти половина населения АРЕ — сторонники «Братьев-мусульман» и других радикальных исламистов, включая ИГИЛ. Вторжение в Египет боевиков ИГИЛ из соседней Ливии, где уже создается ответвление Исламского халифата, наверняка будет поддержано десятками, если не сотнями тысяч египетских экстремистов, которые наверняка вольются в ряды боевиков ИГИЛ, что наверняка приведет к падению режима генерала ас-Сиси. И тогда Египет станет частью Исламского халифата, причем его сердцевиной.

Да и интерес Каира к Москве достаточно прагматичен: получить оружие, которое обещала оплатить Саудовская Аравия, сохранить доходы от многочисленных российских туристов, гарантировать поставки российского зерна. А если Эр-Рияд откажется от финансирования военных сделок? А если в условиях войны Ас-Сиси с терроризмом российские туристы не поедут? Да и многие арабы называют нынешнего президента АРЕ новым Анваром Садатом, который наворотил столько дел, что потом Хосни Мубарак расхлебывал все более 10 лет. Отсюда вопрос — так стоит ли Москве рисковать и связываться с партнером, который нестабилен, беден, да, и, не следует забывать, слишком уж сильно зависит от США? Вряд ли, учитывая, что резкие галсы российской внешней политики еще ничего позитивного не давали.

Откровенная враждебность Саудовской Аравии требует противодействия

Саудовская Аравия, если бы Россия могла с ней установить партнерство, особенно в нефтяной и инвестиционной сфере, могла бы стать одним из ключевых партнеров на Ближнем Востоке. Но это просто не реально. И все заигрывания с ней бесполезны. Эр-Рияд — надежный и верный союзник США, который им и останется еще многие годы, если только королевство не развалится из-за внутренних проблем или под воздействием внешних факторов, таких как наступление ИГИЛ. Опыт общения Москвы с саудовскими руководителями показал, что они много обещают, но почти ничего не делают. В свое время Эр-Рияд отказался от контракта с РЖД на строительство железной дороги, затем не стал подписывать военно-технические контракты, как только Россия проголосовала за антииранские санкции,

предложенные Западом в СБ ООН. Саудовская Аравия проводила враждебную РФ политику по свержению Муаммара Каддафи в Ливии, сейчас продолжает свои усилия по ликвидации дружественного Москве правительства Башара Асада в Дамаске, до этого вмешивалась во внутрииракские дела в ущерб российским интересам в Ираке, саудовцы финансировали террористические группировки, в том числе направленные против России, всячески ставили препоны на пути развития российско-иранских отношений, в том числе при строительстве АЭС «Бушер», ну а сейчас вместе с США активно играют на понижении цен на нефть для дестабилизации российской экономики и раскачивания внутренней ситуации. Поэтому, как представляется, нужно четко решить для себя: Саудовская Аравия — это враждебное России государство, и его ослабление будет отвечать интересам Москвы. Отсюда логически вытекает другая стратегическая цель — не пытаться «договориться» с правителями королевства, а создать альянс против КСА из числа стран, которые тоже страдают от агрессивной саудовской политики (Иран, Сирия, Ирак, Йемен, Венесуэла), и вести дело к демократизации нынешнего консервативного саудовского режима, грубо нарушающего права человека, угнетающего права этно-религиозных групп, грязно играющего на мировом нефтяном рынке, а также заигрывающего с террористами. Давление на КСА со всех направлений приведет к развалу нынешней ваххабитской модели госустройства королевства, которое является источником торможения развития демократических процессов на Ближнем Востоке. И что важно — Вашингтон потеряет своего главного союзника в регионе. Без него американцы не смогут остаться на ведущих ролях в регионе.

Прагматичное взаимодействие с Израилем

Что касается Израиля, то это особый случай, учитывая, что его мощь и влияние определяются не столько потенциалом самого еврейского государства, сколько возможностями произраильских лобби в ведущих странах мира, включая США, Россию, Англию, Францию. Москве в принципе до сих пор удавалось правильно балансировать между Израилем и арабским и исламским миром, выстраивая отношения на прагматичной основе. Но иногда РФ делала уступки Тель-Авиву там, где это было не совсем оправданно. В частности, речь идет о приостановке выполнения контрактов в сфере ВТС, особенно по средствам ПВО, например, с Ираном и Сирией. Ведь ЗРК С-300 не представляет угрозы безопасности еврейскому государству. В то же время Израиль создает и получает средства современного ПВО далеко не худшего качества. И никто против этого не протестует. Кроме того, у Тель-Авива есть арсенал ядерного оружия. Да и вообще, угроза ему исходит не от Сирии или Ирана, а от террористических и экстремистских организаций, которые финансируются и вооружаются американскими союзниками, такими как КСА и Катар, не говоря уже о частных исламских фондах, которые в основном действуют в государствах Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССАГПЗ). Вот куда нужно направить усилия Израиля по уменьшению угроз своей безопасности. Здесь существует совпадение интересов Тель-Авива и Москвы.

Что касается России, то приоритет в развитии партнерства с Израилем можно было оставить сфере высоких технологий и борьбе с терроризмом.

Да и в Тель-Авиве прекрасно понимают, что в силу естественных причин гигантских возможностей арабского и исламского мира по сравнению с ограниченными возможностями Израиля Россия всегда будет отдавать свои предпочтения первому. Тем более что мусульмане составляют более 15% населения РФ.

Турция пока идет в авангарде

Пока что логично и последовательно, явно исходя из четкой стратегии, развивается партнерство Москвы с Анкарой. Об этом свидетельствует и объем торгового оборота — почти 40 млрд долл., и возрастающее число российских туристов на турецких курортах, и новые перспективы энергетического взаимодействия. Тут и налаживание сотрудничества в мирной ядерной сфере, и расширение газового сотрудничества, в том числе в отношении ЕС. Причем даже при наличии определенных разногласий по некоторых региональным вопросам, например, по сирийскому урегулированию, политический диалог Москвы с Анкарой идет на самом высоком уровне и осуществляется поступательно. Если турецкий газотранспортный коридор в Южную Европу, предложенный президентом Владимиром Путиным, будет реализован, то обе страны станут еще более близкими партнерами. Причем это принесет дивиденды обеим странам. Турция потеряет интерес к вступлению в ЕС, а Россия не будет зависеть от капризов Евросоюза, продиктованных из США. Да и натовкая привязанность Анкары существенно ослабеет. Важно и то, что это поможет окончательно решить проблему Украины, транзит газа через которую создает Москве головную боль и служит предлогом для грубого вмешательства Запада в российско-украинские отношения. Так что пример стратегии Москвы в отношении Анкары — это пример продуманной и хорошо просчитанной политики Москвы и ее внешнеполитического ведомства, которая приносит большие позитивные результаты.

Будущее — за Ираном

И все-таки наиболее перспективным и крупным партнером России потенциально является Иран. Огромное количество важнейших проектов обсуждаются, часть реализуется, но делается это крайне медленно и в очень малых масштабах. И ограничено в основном сферой мирного атома. А ведь ИРИ — это крупнейший источник нефтяных и газовых ресурсов. Одного Тегерана достаточно России для того, чтобы создать газовую ось вместо контролируемого Катаром Форума стран экспортеров газа (ФСЭГ), служащего исключительно интересам США. А если к этой оси примкнут Ирак и Венесуэла, то весь мировой рынок газа будет под ее контролем. Жаль, что пока не видно никакого телодвижений Москвы на этом направлении.

Далее — нефть, запасы которой в Иране тоже огромны. Если бы РФ пошла на координацию своей нефтяной политики с Тегераном перед лицом заговора Саудовской Аравии совместно с США, да еще обе страны привлекли бы к этому Ирак и все ту же Венесуэлу, то цены на нефть не упали бы, а выросли, возможно даже до 200 долларов за баррель нефти. Вот здесь что помешало РФ предпринять такие шаги? Просто трудно объяснить обычной логикой.

ИРИ предоставляет РФ огромные возможности и для сбыта машиностроительной продукции, развития электроэнергетики, восстановления и развития инфраструктуры, прежде всего транспортной, создания стратегического транспортного коридора Север-Юг, чтобы вдвое сократить морской путь из Европы в Китай и т. д. Все это — десятки миллиардов долларов, а не жалкие 963 млн долл. торгового оборота между двумя странами в 2014 году.

Неограниченные возможности лежат в сфере ВТС. Иранской армии нужна самая современная военная техника — от систем ПВО и авиации, до танков и военных кораблей. Здесь, по оценкам экспертом, объем закупок может превысить 25 млрд долл. Причем Ирану есть чем расплачиваться уже сейчас — нефтью и газом. И нужно честно признаться — на сегодня ИРИ — единственный большой и неосвоенный рынок для военно-технической продукции РФ.

О выгодах политического партнерства можно много говорить. Иран — ключ к безопасности в Персидском заливе и на Среднем Востоке. От него во многом зависит то, что происходит в Ираке, Сирии, в Закавказье, в Центральной Азии, Афганистане и т. д. ИРИ — это барьер на пути растекания исламистского терроризма в лице ИГИЛ в регионе. А «шиитская дуга» под эгидой Ирана и в составе ИРИ, Ирака, Сирии и Йемена — это естественный союзник России на Ближнем Востоке, с помощью которого можно реализовывать свои интересы, включая противодействие агрессивной линии США на южных рубежах РФ.

* * *

Но пока что все это остается на уровне дискуссий политологов и аналитиков, почему-то не попадая во внешнеполитическую концепцию России. Хотя пора не только задуматься над этим, но и начать практическую реализацию возможностей, изложенных выше. И тогда Москва довольно быстро может стать ведущим внешним игроком на Ближнем Востоке. Тем более что аналогичное, хотя менее масштабное взаимодействие прекрасно осуществляется с Турцией. Явно наступило и время Ирана. А для этого России нужна четко прописанная стратегия Москвы в отношении Тегерана на ближайшие 3–5 лет.

Игорь Панкратенко

Иран против «Исламского государства»: За что воюет Тегеран?

«Исламское государство» никакой серьезной военной угрозы для Ирана не представляет. И вообще, если бы речь шла именно о военной составляющей этого феномена, в одночасье взорвавшего Ближний Восток и прилегающие к нему территории, то с ним давно уже было бы покончено. Причем — только усилиями Тегерана и его региональных союзников. И без всякой «международной антитеррористической коалиции» бы обошлись. Такова официальная иранская точка зрения на проблему.

Тегеран мог бы поступить и еще проще — передоверить все «коалиции кающихся» во главе с США, которые вот уже несколько месяцев победно рапортуют о своих успехах в борьбе с «Халифатом». Джон «Лгунишка» Керри на днях вообще заявил о том, что «международная коалиция отвоевала у ИГИЛ уже 22 процента населенной территории в Ираке и Сирии», — стало быть, Ирану вообще не стоит ни о чем беспокоиться. Однако, Тегеран не только не сидит, сложа руки, в ожидании, когда война против «Исламского государства» будет выиграна чужими руками, но и наращивает собственные усилия в борьбе против боевиков. Неся при этом и людские потери — только генералов Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) в боях против исламистов погибло трое, а ведь есть еще убитые офицеры и рядовые. И серьезные финансовые затраты — по различным оценкам операции против боевиков «халифата» на территории Сирии и Ирака обошлись бюджету страны с августа 2014 года в сумму от одного до полутора миллиардов долларов, включая сюда поставки военной техники и снаряжения.

Действительно, военные возможности боевиков «Исламского государства» оцениваются иранскими специалистами весьма скептически. В беседах с автором статьи они однозначно утверждали, что даже самые подготовленные отряды джихадистов не могут длительное время противостоять спецназу Хизбаллы и шиитского ополчения, в состав которых входят офицеры-инструкторы КСИР. Тем более тактике рейдов и точечных ударов поисково-разведывательных групп этих подразделений, разработанной на основе опыта советского спецназа в Афганистане.

По мнению серьезных иранских аналитиков, если бы не «входящие политические обстоятельства» — недееспособность регулярной иракской армии, особая позиция курдских ополченцев, двойственная политика Багдада по отношению к шиитским формированиям — с основными силами джихади-

стов было бы покончено в течение года. Но в приведенном выше перечне «политических факторов» не хватает еще одного, пожалуй, самого главного — «Исламское государство» и все, что с ним связано, является по сути своей «антииранским проектом». И война Тегерана с боевиками «халифата» давно уже вышла за рамки военного противостояния.

Смысл операции «Исламское государство Ирака и Леванта»

«Исламское государство» не появилось внезапно и ниоткуда, как порою пытаются нам внушить. Данные о том, что в Ираке планируется масштабный мятеж против шиитского правительства аль-Малики, были получены иранской разведкой еще в конце 2012 года, а весной 2013 глава иранского министерства информации Хейдар Мослехи официально предупредил об этом Багдад. Более того, изначально было ясно, что организацию этого мятежа финансирует Саудовская Аравия, покойный ныне король которой, Абдалла, еще в 2009 году явил, что Малики является «иранским агентом», а его правление «открыло дверь для иранского влияния в Ираке». С учетом маниакальной саудовской иранофобии данное заявление было равносильно приговору, вынесенному иракскому премьеру саудовским монархом.

«Исламское государство» не появилось внезапно и ниоткуда, как порою пытаются нам внушить

В 2013 события стали развиваться стремительно. Суннитская оппозиция Ирака, мало того что сомкнулась с баасистами, так еще и получила вооруженное подкрепление от исламистов, прошедших обкатку боем в Сирии и мечтающих на иракской территории поквитаться с шиитами. Весной этого же года «Аль-Каида в Ираке» произвела своеобразный «ребрендинг», оформившись в «Исламское государство Ирака и Леванта». Шаг вполне оправданный — кураторам из западных, турецких и саудовских спецслужб контактировать с «аль-Каедой» было опасно, скандал мог разразиться нешуточный. А вот с ИГИЛ, которая вроде как с ней не связана, более того, демонстративно переругивается, — общение никаких проблем не создавало.

Именно поэтому, когда американский сенатор Маккейн нелегально прибыл летом 2013 на территорию Сирии, на его встрече с исламистами присутствовал и будущий «халиф» аль-Багдади. Речь, разумеется, шла о Сирии, точнее о том, как добиться перелома в войне против правительственных сил Башара Асада. Видимо, после этой поездки план операции «Халифат», который предусматривал объединение вооруженных отрядов исламистов под единым командованием, внешне не связанном с «аль-Каедой», получил окончательное одобрение во властных коридорах Вашингтона.

Нет, с ним были согласны не все. В феврале 2014 года об опасности захвата Ирака «исламистами» Конгресс США предупредил уходящий в отставку глава военной разведки США генерал Майкл Флинн. Но это предупреждение было проигнорировано. Более того, именно Конгресс, с подачи «ястребов»-республиканцев, резко критиковавших мягкотелость обамовской администрации на Ближнем Востоке, блокировал сделку на поставку в Ирак истре-

бителей Ф-16 и ударных вертолетов «Апач», которые аль-Малики просил с 2011 года именно для подавления сепаратистов и исламистов.

Почему? Ответ прост. Операция «Халифат» — создание ИГИЛ, блицкриг этой группировки, установление ее отрядами контроля над частью Ирака и Сирии — планировалась для решения американскими «ястребами» и их союзниками двух основных задач. Первая — раскол Ирака на три государства. Вторая — под прикрытием борьбы с новой террористической группировкой нанесение удара по Сирии и свержение Башара Асада. После чего положение Ирана в регионе осложнится настолько, что он утратит возможность к сопротивлению как США, так и его союзникам.

Операция «Халифат»: день сегодняшний

То, что сегодня называют «операцией международной антитеррористической коалиции против «Исламского государства», логичнее всего было бы назвать другим термином — «странная война». Суть которой выражается в незатейливой формуле: «Нас бомбят, а нам не страшно». Удары по ИГИЛ, как нас уверяют в прессе, «нарастают день ото дня». Все больше советников из стран НАТО прибывают в Ирак для подготовки курдской Пешмерга и ополчения племен арабов-суннитов к наземным операциям против исламистов. И в это же время доходы «Исламского государства» от торговли контрабандной нефтью через Иорданию и Турцию практически не падают. Бюджет исламистов, кроме того, регулярно пополняется за счет налогов с населения контролируемых территорий, разграбления археологических памятников и другой криминальной деятельности. Немецкий Гамбург стал центром торговли артефактами, украденными как самими исламистами, так и сотрудничающими с ними преступными группировками.

И на фоне всего этого руководство «Исламского государства» издает иллюстрированный журнал, объявляет о чеканке собственной монеты и, главное, формирует на взятых под контроль территориях органы административного управления. Не слишком ли оживленная деятельность для тех, кто, как нас уверяют, находится на грани уничтожения силами коалиции?

Создается впечатление, что ударами по ИГИЛ его лидеров стремятся не уничтожить, а обозначить границы их активности — иракский «Суннистан» и сирийская территория. Нет сомнений, что «операция Халифат» частично вышла из-под контроля ее организаторов, но то их не особо не смущает — даже при относительной «бесконтрольности» аль-Багдади и его приближенные движутся в «правильном» направлении.

Все организаторы этой операции получают свои выгоды. Израиль — от того, что основные силы Хизбаллы сейчас задействованы в Ираке и Сирии. А Дамаск — наиболее последовательный и опасный противник Тель-Авива в Леванте — практически выведен из «игры». Монархии Персидского залива — от того, что опасность «иранского протектората» над Багдадом фактически ликвидирована, а силы шиитов связаны длительным конфликтом с радикальными суннитскими группировками. Вашингтон получил великолепный плацдарм в Курдистане для своих дальнейших операций и в регионе, в целом, и против Ирана, в частности. Разумеется, без своей «прибыли» не осталась и Анкара.

Война Ирана против Исламского государства: цели и средства

За такой «куш» исламистам можно достаточно многое позволить. Например, развернутый ими геноцид езидов и связи с транснациональными преступными группировками. Поскольку до финала операции «Халифат» еще далеко — не провозглашена независимость Курдистана, не оформилось еще государство арабских племен Ирака, Суннистан. А главное — еще не пал Дамаск и по-прежнему активна Хизбалла. Поэтому, «международной антитеррористической коалиции» с ИГИЛ еще, как говорится, работать и работать. Тем более, что у кураторов операции припасен запасной вариант, о котором проговорился Барак Обама, — физическая ликвидация тех в руководстве Халифата, кто вышел из-под контроля и не желает больше общаться со своими бывшими кураторами и спонсорами. С остальными организаторы «антитеррористической коалиции» будут договариваться, ставя перед ними новые задачи и, соответственно, предлагая новые условия оплаты их услуг. В своем недавнем выступлении перед Конгрессом американский президент сказал и другое — проблема борьбы с Халифатом перейдет к его преемнику. Война эта слишком прибыльна, чтобы быстро ее закончить.

Данная позиция американцев совершенно не устраивает Тегеран. Поскольку его цели в войне против ИГИЛ совершенно противоположны. Сохранить целостность Ирака. Обезопасить своего стратегического союзника, Сирию, от угрозы интервенции извне. И, наконец, не допустить консолидации радикальных антииранских и антишиитских группировок под «крышей» Исламского государства. Именно поэтому Тегеран взвалил на себя основную тяжесть войны против исламистов. Содержание и снабжение Хизбаллы, финансовая и экономическая поддержка сирийцев, формирование шиитского ополчения — все это сегодня легло на плечи Ирана. По сути, Тегеран сформировал свою региональную антитеррористическую коалицию и в одиночку несет все расходы по ее содержанию. При том, что ни США, ни его союзники в окончательном уничтожении исламистов не заинтересованы.

Содержание и снабжение Хизбаллы, финансовая и экономическая поддержка сирийцев, формирование шиитского ополчения — все это сегодня легло на плечи Ирана

Но война с ИГИЛ — дело не только Ирана. «Исламское государство» все активнее выбрасывает метастазы в остальной мир. На верность аль-Багдади и его «халифату» присягают все новые и новые радикальные группировка в Египте, Ливии, Пакистане, Малайзии, на российском Кавказе и в Центральной Азии. По данным директора ФСБ России Александра Бортникова, 1 700 наших сограждан уже воюют на стороне боевиков. В июле 2014 года 12 российских СУ-25К, вовремя появившиесяна авиабазе «Имам Али ибн Абу Талиб» иракских ВВС, помогли сорвать наступление отрядов «Исламского государства» на Багдад. Этот успех закрепили широкомасштабные поставки Ираном вооружения и техники для курдской Пешмерга и шиитского ополчения. Опыт подобной совместной борьбы должен быть расширен и углублен. И Москве, и Тегерану в «операции Халифат» отведена роль проигравшей стороны. Значит, и «ломать» этот сценарий нам нужно вместе.

* * *

Ведя беспощадную и бескомпромиссную борьбу с «Исламским государством» в Ираке и Сирии, Тегеран воюет не только и не столько за безопасность своих западных границ. В качестве организованной военной силы отряды боевиков «халифата» серьезной угрозы для Ирана не представляют. Если бы дело заключалось только в этом, достаточно было бы классической контртеррористической операции, проведенной силами Корпуса стражей исламской революции. Но в том и дело, что война с «Исламским государством» имеет для Тегерана совершенно иное измерение — Иран и его региональные союзники борются против «переформатирования Ближнего Востока», в котором исламисты — лишь пешки и расходный материал. А истинные организаторы и «выгодополучатели» — в Вашингтоне, Эр-Рияде, Анкаре и Тель-Авиве. Такова суровая реальность войны против ИГИЛ и всего, с нею связанного.

США теряют свой исторический шанс?

США вместе с ЕС сейчас одержимы только одной стратегией — до последнего тянуть и в конечном итоге не подписывать соглашение по иранской ядерной программе (ИЯП), обвинив затем в провале переговоров Иран. Данная стратегия во многом навязана им Израилем и Саудовской Аравией, которые смертельно боятся перспектив и величия Ирана. И в Вашингтоне, и в Тель-Авиве, и в Эр-Рияде хотят одного — смены политического режима в Иране. Но вместо этого они получат более сильный и закаленный Иран. А главными проигравшими останутся Соединенные Штаты, которые получат мощную волну иранского антиамериканизма и потеряют свой исторический шанс восстановить отношения с Ираном.

И без того шедшие все эти годы с большим трудом, переговоры между Ираном и «шестеркой» международных посредников сегодня зашли в тупик, поставлены на грань принудительного и безрезультатного завершения. Ультиматум, который выставил американский Конгресс Бараку Обаме и Джону Керри, однозначен и, по сути, не оставляет поля для дипломатического маневра. Либо иранская сторона подписывает соглашение в наиболее выгодной для США редакции к концу марта, либо против Тегерана вводятся санкции, и дальнейший разговор с ним пойдет, в основном, с позиции силы.

Американских конгрессменов совершенно не смущает то обстоятельство, что «шестерка», ведущую роль в которой Вашингтон любит подчеркивать, всего несколько месяцев назад в Вене называла другой срок — лето нынешнего года. Впрочем, это то как раз неудивительно — в отношениях с Тегераном Соединенные Штаты предпочитают действовать нахраписто и агрессивно, не оглядываясь на международное общественное мнение.

Вот и сейчас, выдвинув ультиматум собственному президенту, Конгресс США меньше всего думает о его последствиях для переговорного процесса, о позиции других членов «шестерки», о соблюдении хотя бы видимости учета иранских интересов. Все это вторично, куда как важнее потрафить интересам двух своих главных союзников по антииранской коалиции — Израиля и Саудовской Аравии. И, разумеется, не забыть о выгодах, которые получат в случае нового витка напряженности в отношениях между Ираном и США «ястребы» из военно-промышленного комплекса, спецслужб и военного ведомства.

Выполнить все условия ультиматума к намеченному сроку попросту невозможно. Собственно, так и задумано. Для непредвзятого наблюдателя давно очевидна нехитрая истина: Вся возня вокруг переговоров по ядерной программе Ирана никакой самостоятельной ценности не имеет. Это инструмент давления, дубинка для выколачивания уступок со стороны Тегерана в пользу антииранской коалиции, способ заставить Исламскую республику прекратить сопротивление политике США, Израиля и Саудовской Аравии на Ближнем и Среднем Востоке. Никакая «нормализация» отношений с Тегераном этой тройственной коалиции не нужна, речь может идти только о капитуляции. И если антииранская коалиция не остановилась перед тем, чтобы «подставить» президента Барака Обаму, перечеркнув все его усилия по налаживанию диалога с Тегераном, то огромной наивностью было бы думать, что она более бережно отнесется к дальнейшей судьбе Хасана Роухани.

Иран: прощание с иллюзиями

Ожесточенная политическая борьба в период между ноябрем 2014 – январем 2015 года между антииранской коалицией и теми в окружении Барака Обамы, кто реально «ставил» на диалог с Тегераном, естественно, стала предметом тщательного анализа высшего политического руководства Исламской республики. Вывод, сделанный иранским руководством, был для кого-то, возможно, неутешительным, но предельно адекватным и честным — в ближайшее время соглашение по ядерной программе, которое привело бы к отмене всех санкций в отношении Тегерана, невозможно.

По большому счету, в высших эшелонах власти Исламской республики особых иллюзий в отношении того, что с США можно сколько-нибудь серьезным образом договариваться, никто и никогда не питал. А все усилия по организации переговорного процесса предпринимались по двум, достаточно весомым причинам: во-первых, если есть хоть небольшой шанс ослабить внешнее давление на страну, его надо использовать. Во-вторых, что более важно, вполне предсказуемый ход переговоров по ядерной программе — открытая и искренняя позиция Ирана, его готовность к компромиссам, с одной стороны, неуступчивость, капризность и необоснованные требования западной части «шестерки» с другой — давал и дает Тегерану серьезные политические преимущества в глазах остального мира.

Причем, на что зачастую не обращают внимания, эти политические преимущества вполне свободно конвертируются в выигрыши экономического характера. За тридцать шесть лет санкционной войны против Ирана Соединенным Штатам так и не удалось добиться полноценной экономической блокады этой страны. Затруднить ее развитие, создать массу неудобств во внешней торговле, промышленном производстве и на бытовом уровне — да, сумели. Заставить изменить принципам Исламской революции, капитулировать и с покаянием вернуться в число вассалов Вашингтона и международного капитала — нет.

Помимо того, что экономическая блокада Исламской республики существует только в мечтах «ястребов» из антииранской коалиции, Тегеран имеет еще один козырь — «экономику сопротивления», позволяющую пусть с трудом, но обеспечивать динамичное и поступательно развитие страны. США

наращивают давление — Иран запускает в космос очередной спутник. При таком положении дел даже полное прекращение переговоров по инициативе США не станет для страны «концом света», о чем, собственно, в последние месяцы говорит и Рахбар, и его сторонники. Конец переговоров станет мощным толчком для «экономического джихада» — развития страны с опорой на собственные силы — и большей активности Ирана в отношении Пекина, Москвы, Дели и других столиц, стремящихся к независимому от США политическому и экономическому курсу.

Роухани — переход на политику упреждения

Все полтора года, что Хасан Роухани занимает свой пост, страна жила внушенной им и его командой надеждой на то, что не сегодня, так завтра переговоры с США увенчаются успехом, санкции с Ирана будут сняты и все социально-экономические трудности уйдут сами собой. Он и его команда искренне верили в позитивный исход, так как свято верят в логику человеческого разума. А логика одна, соглашение по ИЯП — выгодно всем, не в меньшей степени и самым США. И сам Роухани, и его администрация получили огромный кредит доверия, причем на всех уровнях — от канцелярии Рахбара до иранской «улицы». Сейчас же для него наступает тяжелое время, когда нужно отдавать обещанные иранскому обществу авансы.

Более того, пауза в реализации концепции «экономики сопротивления» привела к росту социальных и иных проблем, решать которые при нынешнем, достаточно напряженном бюджете крайне затруднительно. Главная ставка на логику и разум американцев, на которые и были завязаны все расчеты, программы и предвыборные обещания Хасана Роухани, не сработала. Израиль и израильское лобби начисто лишили американцев самостоятельности в отстаивании даже их собственных национальных интересов. В этой ситуации все вопросы по ИЯП надо адресовать исключительно к американцам. Хасан Роухани и его кабинет здесь абсолютно ни при чем, они сделали все возможное и где-то даже невозможное, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

О нелогичности и непоследовательности США говорит и тот факт, что пока одна часть западных политиков вела переговоры с Тегераном, другая изо всех сил трудилась над новым витком дестабилизации Ближнего и Среднего Востока. В такой ситуации перспективы нормализации отношений с США столь же отдалены и туманны как и два-три года назад, на пике противостояния с Ираном. Но даже при всех этих сложностях, при том, что сегодня Роухани в Иране ожесточенно критикуют и либералы, и консерваторы, его авторитет очень высок, ему практически реальной альтернативы пока нет и в ближайшей перспективе не ожидается.

Россия и «иранские коллизии»

Москве нужно быть готовой к тому, что часть вины за неудачу на переговорах по ИЯП политические круги в Иране возложат и на нее, обвинив в «недостаточной активности». Вполне могут обвинить и в «торпедировании переговорного процесса», но с этим — после подписания «атомного контракта», которым Россия, фактически, взяла на себя определенные обя-

зательства гаранта мирного характера ядерных исследований Тегерана — будет гораздо сложнее.

Что же до «недостаточной активности», с чем, в принципе, можно согласиться (позиция России за последние 2–3 года практически не отличается от позиции США и их партнеров по «шестерке», а иной раз была, с точки зрения иранцев, явно деструктивной), то здесь не все так просто и однозначно. Прежде всего, у России нет реальных рычагов давления на США в данном вопросе. Ну, и в немалой степени, проблема в том, что иранская сторона во главе с Джавадом Зарифом сама уделяла больше внимания работе в формате двухсторонних переговоров именно с американской стороной. На которые, правда, иногда приглашали еще и Кэтрин Эштон в роли «свадебной генеральши».

Но зато позиция Президента России предельно ясна: Россия односторонних санкций против Ирана не признает и придерживаться их не намерена. Санкции ООН она ставит под сомнение из-за их откровенной политической ангажированности. Любые новые санкции по отношению к Ирану от кого бы они ни исходили Россия не признает, а в рамках СБ ООН не допустит. Следовательно внешних препятствий для партнерства двух стран не существует. В этой ситуации корректировка курса Роухани на «многовекторность», усиление консервативных антизападных элементов в руководстве Ирана несет для России определенный выигрыш. Но это совсем не значит, что Россия заинтересована в сохранении санкционного режима для Тегерана. В конечном итоге, России выгодно, чтобы проблема ИЯП была решена, санкции с Ирана были сняты и чтобы можно было бы развивать отношения с Ираном по всем направлениям, без оглядки на резолюции ООН, коллективные санкции ЕС и односторонние санкции США и их партнеров.

* * *

США, страны ЕС, Израиль и Саудовская Аравия наивно полагают, что если до 1 июля не будет достигнуто соглашение по ядерной программе, то раздосадованный и разочарованный народ Ирана выйдет на улицы и сметет в конечном итоге Хасана Роухани вместе с политическим режимом этой страны. Они горько ошибаются. Цинизм и высокомерие, эгоизм и вседозволенность этих стран не позволяют им увидеть, что Хасан Роухани является по сути самым либеральным президентом, а его кабинет самым прозападным кабинетом за всю новейшую историю Исламской Республики. Если переговоры провалятся, то:

1. США навсегда потеряют потенциального союзника в лице Хасана Роухани и на десятилетия мощнейшего партнера — Иран. Ненависть к США и новая волна антиамериканизма и антизападничества в Иране достигнет своего апогея.
2. Определенная часть населения Ирана будет разочарована, может быть даже недовольна, но это совершенно не критично, и до уличных шествий и демонстраций протеста дело не дойдет.
3. Вопреки ожиданиям, провал переговоров по ИЯП не станет серьезным ударом по имиджу Хасана Роухани, наоборот, он может набрать новые

очки и укрепить свою позицию тем, что как политик сделал все возможное, готов был пойти на серьезный компромисс для снятия вопроса о санкциях с повестки дня.

4. Иран откажется от дальнейших переговоров в рамках «шестерки», как ненужной и недееспособной структуры, продолжая при этом сотрудничество с МАГАТЭ и руководствуясь положениями ДНЯО.
5. У Ирана будет стратегическая внешнеполитическая инициатива и упреждающая позиция по решению вопроса в связи с ИЯП. На этом фоне вряд ли по отношению к Ирану будут введены новые санкции. США и Канада (креатура или хвост США) могут ввести какие-то символические односторонние санкции (скорее по инерции, адресованные скорее своей и произраильской общественности), но страны ЕС и другие государства их в этом не поддержат.
6. Провал в переговорах станет ярким доказательством того, что США правят не американцы, а Израиль и произраильское лобби.
7. Провал в переговорах станет серьезным ударом по международной безопасности и режиму нераспространения, т.к. провал переговорного процесса приведет к новому уровню недоверия и эскалации напряженности. Ведь ИЯП в любом случае будет продолжена, а мировое сообщество вынуждено будет как-то реагировать на продолжение этой программы.
8. Либеральный кабинет Хасана Роухани, окончательно разуверившись в переговорном процессе с США и Западом, переориентирует свою политику в юго-восточном и азиатском направлении.
9. Провал переговоров по ИЯП создаст уникальную возможность для выстраивания беспрецедентных стратегических отношений между Ираном и Россией практически во всех сферах, в первую очередь в энергетической, нефтегазовой и ВТС.
10. Дальнейшая неопределенность судьбы ИЯП и новые геополитические реалии вокруг России создают благоприятные условия для ускоренной и полноценной интеграции Ирана в такие международные организации как ШОС, БРИКС, Евразийское сообщество стран и приобретения статуса «особого партнера» в рамках Таможенного Союза.

Николай Александров

Диагноз ирано-турецких отношений — нарастающая конкуренция

«Эра Эрдогана» привела к радикальной переориентации внешней и внутренней политики Анкары. Как справедливо заметил один исследователь, для США «старой доброй Турции больше нет. Американскому госсекретарю или помощнику президента по национальной безопасности уже недостаточно, как бывало, слетать на денек в Анкару, встретиться с начальником турецкого Генштаба и решить все вопросы». Но справедливы ли утверждения о том, что дистанцируясь от Запада Турция становится ближе Ирану?

На первый взгляд, небосклон двусторонних отношений выглядит достаточно безоблачно. А набегающие порою «тучи» в виде разногласий по тем или иным региональным проблемам, не заслоняют главного — динамично развивающихся экономических связей. Когда в начале 2014 года, во время визита тогда еще премьер-министра Эрдогана в Тегеран, было объявлено о создании «Верховного совета по сотрудничеству», многим и в Анкаре, и в Тегеране, и в других столицах казалось, что наступил кульминационный момент экономической кооперации региональных держав.

«В этом Верховном совете министры наших стран будут работать так, как если бы они были членами одного кабинета», — заявлял тогда турецкий премьер. «Основные политические препятствия в турецко-иранских отношениях удалены, и есть все основания для расширения всеобъемлющих связей между двумя нашими странами», — в унисон ему заявляли в Тегеране. Откровенно раздражающим Вашингтон фактором было то, что укрепление отношений с Ираном турецкой стороной проводилось с регулярно подчеркиваемым антиамериканским и антиизраильским акцентом, что, само собой, только приветствовалось руководством Исламской республики. Оставаясь членом НАТО, Анкара демонстративно игнорировала односторонние санкции в отношении импорта иранских энергоресурсов. Но, мало того, она еще и вела расчеты за этот импорт преимущественно золотом, через турецкий «Халкбанк», руководство которого тесно связано с правящей партией Эрдогана.

Со своей стороны, и Тегеран активно стремился к укреплению тесных и, зачастую, неформальных связях с близкой к Эрдогану турецкой бизнес-элитой. Поскольку эта элита не только весьма благожелательно смотрела на

деятельность местных «черных рыцарей», бизнес-партнеров, которые помогали Исламской республике «обходить» введенные против нее «калечащие санкции», но и сама участвовала в подобных проектах. Но уже тогда — на фоне такой «безоблачности» в экономических отношениях — непредвзятому наблюдателю было ясно, что сближение Анкары и Тегерана — это союз поневоле, вынужденная необходимость, на которую этим странам приходится идти, закрывая глаза в отношении существующих противоречий. Которые, как совершенно очевидно сейчас, изо дня в день только нарастают.

Как выглядит турецкий «ноль проблем» в отношениях с Тегераном?

17 мая 2010 года Анкара, а точнее Эрдоган и нынешний премьер Ахмет Давутоглу, который и является «архитектором» новой внешней политики Турции, сделали шаг, который, как тогда казалось, способен серьезно перекроить геополитический ландшафт в регионе. Вместе с Бразилией, откровенно «в пику» не только Вашингтону, но остальным членам «шестерки» государств, занятых урегулированием вопросов по ядерному досье Ирана, турецкое руководство подписало так называемую «Тегеранскую декларацию», которая вполне могла, в случае ее реализации, поставить точку в вопросе об «иранском атоме». Анкара и Бразилиа брали на себя обязанности гарантов мирного характера ядерной программы Тегерана, а тот, в свою очередь, готов был передать им на хранение все запасы обогащенного урана, получая их, затем, что называется «по потребности», которые определялись международной экспертизой.

Кроме того, пользуясь своим положением временного члена Совета Безопасности ООН, Турция проголосовала против введения международных санкций в отношении Ирана, которые уже были согласованы со всеми членами Совбеза, включая Россию и КНР. Поданный «против» голос Турции, по большому счету, ничего не решал и решить на уровне мировых «тяжеловесов» не мог. Но для укрепления отношений с Тегераном и для роста рейтинга Анкары в Движении неприсоединения — этот шаг сыграл огромную роль.

Впрочем, как и многие другие действия Турции на внешнеполитической арене, этот шаг был откровенно с двойным дном. Разногласия по ядерной программе Ирана с Вашингтоном у Анкары носят не принципиальный, а тактический характер. Турция полностью разделяет позицию США, Израиля и саудитов о том, что Тегеран не должен стать ядерной державой. Но в отличие от американской дипломатии, предпочитает делать это не путем давления, а уговорами и интригами. Не забывая, разумеется, и о собственных интересах: если и не получить роль «медиатора» Запада в отношениях с исламским миром, то хотя бы добиться в нем такого влияния, чтобы на порядок повысить свой статус на международной арене.

Все — в полном соответствии с лозунгами, которые провозглашал Эрдоган на принесших ему победу президентских выборах: и о величии страны и лидерстве Турции не только в регионе, но и в «тюркском мире», на пространстве от Ближнего Востока до Центральной Азии. И о том, что к 2023 году — столетию Турецкой республики — страна под его руководством будет иметь одну из сильнейших в мире экономик.

Вполне очевидно, что столь амбициозные задачи имеют и обратную сторону. На пути к росту влияния Анкары в регионе и в мире необходимо устранять конкурентов. В числе которых одним из главных является именно Тегеран, и здесь никого не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что уже пятый год Иран не упоминается в публичной версии «Красной книги» турецкого Генштаба как «конкретная угроза».

Соперничество на перекрестках Центральной Азии и Кавказа

Проект «Турецкого потока», так пока и не вышедший на конкретные договоренности, как нельзя лучше ложится в никогда не озвученную, но тем не менее существующую турецкую стратегию ослабления Ирана как регионального конкурента. Уязвимое место Анкары — зависимость от поставок газа из Тегерана. В 2014 году суточный объем поставок природного топлива из Ирана в Турцию составлял около 28 млн куб. м или около 10 млрд куб. м в год по цене 490 долларов за тысячу кубов. Кроме того, что иранская сторона отказывалась обсуждать вопрос снижения цен, она еще и достаточно эффективно отражала попытки Анкары навязать высокие транзитные тарифы за использование турецких газопроводов. Сегодня же Тегеран практически лишен сколько-нибудь серьезных экономический козырей в отстаивании своей позиции — Турция уже ждет дополнительные объемы российского газа, да еще и со скидкой на цену, которая изначально была ниже иранской — 425 долларов за 1000 кубометров. Что называется, «на подходе» и расширение действующего газопровода Баку — Тбилиси — Эрзурум, Трансанатолийский газопровод (TANAP).

И как только идея «Турецкого потока» была озвучена в публичном пространстве, так тут же между Тегераном и Анкарой с новой силой вспыхнула «война грузовиков» — малоизвестный, но от того не становящийся менее драматичным один из эпизодов борьбы Турции и Ирана за влияние на Кавказе и в Центральной Азии.

В конце декабря 2014 года тысячи турецких грузовиков скопились на пограничном с Ираном пункте Гурбулак. Аналогичная ситуация — многокилометровые очереди дальнобойщиков из Турции — возникла и на границе Ирана с Туркменистаном. Около 45 тысяч большегрузных автомобилей — настоящая река турецкого экспорта — используют именно иранский маршрут для доставки грузов в Центральную Азию. 9,3 миллиарда долларов товарооборота со странами региона, 3,5 миллиарда долларов инвестиций, более двух тысяч компаний, реализующих в Центральной Азии и на Кавказе проектов стоимостью в 62 миллиарда все тех же долларов — все эти огромные объемы турецкой экономической экспансии держатся на транзите через Иран. В 1994 году между Анкарой и Тегераном было подписано соглашение, согласно которому турецкие перевозчики платят за транзит и за разницу в стоимости топлива для автомобилей. Причем, иранской стороне при подписании этого документа удалось добиться того, чтобы подобный порядок не распространялся и в обратную сторону — в отношении грузовиков из Иранаё следующих через турецкую территорию. Платежи бизнес-сообщества Турции в бюджет Исламской республики за двадцать лет действия соглашения составили более миллиарда долларов.

В связи с тем, что Тегеран с декабря объявил о том, что повышает плату за транзит, а кроме того, прекращает продажу топлива для грузовиков по местным ценам (около $ 2 за литр в Турции и 18 центов за литр в Иране), турецкий бизнес потребовал от Эрдогана и Давутоглу «положить конец диктату иранских властей». По сути, найти способ, чтобы обойти Тегеран в расширении экономической экспансии на Кавказ и в Центральную Азию — хотя бы путем договоренностей с Азербайджаном, Грузией и Туркменистаном о том, что грузопоток пойдет через Каспийское море.

Турция и «сирийский аспект» устранения иранского конкурента

Разумеется, в любом разговоре о региональной конкуренции между Тегераном и Анкарой не удастся обойти «сирийский вопрос». Иран и Турция могут сколько угодно создавать совместные «Верховные советы», говорить о перспективах наращивания двустороннего товарооборота — главный вопрос о том, у кого будут ключи от Дамаска, был и остается основным и принципиальным противоречием в отношениях между двумя странами. Без всякого преувеличения можно сказать, что «Анкара бросила на сирийский алтарь свои отношения с Тегераном». И сделали это Эрдоган и Давутоглу совершенно не случайно. У каждого из псевдо-друзей Сирии, сплотившихся в коалицию против законного правительства Башара Асада, своя игра, своя цель и свое понимание того, какой именно трофей они хотели бы получить после взятия Дамаска. Но в любом случае, выгоды Турции вполне могут оказаться больше, чем у остальных.

Экономический протекторат над «независимым Курдистаном», который, как теперь выясняется, по мнению ряда турецких политиков должен включать в себя и часть сирийской территории. Монопольное положение в транзите иранского газа на «западном направлении». Десятки миллионов тонн иракской нефти и газового конденсата, идущие на экспорт через порты Турции. И это только некоторые штрихи, внешняя сторона турецкой победы. Главное останется в тени, но от этого не потеряет свое значение — после падения Башара Асада в Сирии Тегеран стремительно теряет шансы на возможность быть полноценным соперником Анкары в региональной конкуренции. И когда Эрдоган обещал своим избирателям лидерство Турции, основанное на мощной экономике, то в том числе подразумевалось, что одной из причин этого станет победа в Сирии и полученные от этой победы геополитические и геоэкономические «трофеи».

* * *

Через месяц, в марте нынешнего года, Эрдоган вновь посетит Тегеран. Средства массовой информации опять расскажут нам о вечной дружбе, планах по достижению новых высот в сотрудничестве и изо дня в день крепнущем партнерстве. Но все это — «фиговый листок», который не в состоянии уже скрывать нарастающие противоречия. Турции и Ирану не удалось, как они ни пытались, удержать свои отношения исключительно в экономической плоскости. И когда отзвучат официальные здравицы, конкурентная борьба между Тегераном и Анкарой на огромном пространстве от Ближнего Востока до Центральной Азии и Кавказа продолжится с новой силой.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Площадь Имама, Исфахан